

*Всем бунтующим, всем смиренным,
всем заблудшим,
сошедшим с пути –
посвящается*

1 МЕДАЛЬОН ГОСПОДИНА ТАЛВАНИ

Ut salutas, ita salutaberis.

«Как ты приветствуешь, так и тебя будут приветствовать».

Ноль.

Еще ноль.

Еще и еще.

Пятый по счету кружок выглядел в чеке внушительно: такими суммами не принято разбрасываться направо и налево.

Глядя на пергамент, пододвинутый ко мне с противоположной стороны стола, я откинулась на спинку кресла и все же отрицательно покачала головой.

— Щедрое предложение. Но это не мой профиль — я просто не беру такие заказы, — объяснила я и вежливо указала рукой на дверь. — Могу лишь пожелать вам удачи с поиском исполнителя.

Однако заказчик, пожилой купец в богато расшитом костюме, не спешил подниматься со стула, равно как и заканчивать разговор.

Мы сидели в моем кабинете. Стены, обшитые черным деревом, источали тепло и поглощали лишние звуки. Окутанная облаком белых лепестков, цвела кар-

ликовая вишня в углу комнаты. Рядом с ней стояла просторная птичья клетка с почтовыми воронами, а дальше устремлялись ввысь книжные шкафы, под завязку забитые старинными фолиантами. Большое круглое окно выходило на тихую холмистую улицу Непрощенных: по ночам ее подсвечивали магические огоньки и оранжевые бумажные фонари, свисающие с острых крыш.

Мой кабинет выглядел респектабельно и находился в одном из самых дорогих кварталов столицы, но по сути это был кабинет воровки.

Я – воровка.

Джеремя Барк к вашим услугам.

Я все еще держала руку приглашающе протянутой в сторону двери, когда заказчик сокрушенно вздохнул.

– Я понимаю, что это не ваш профиль... – он с сожалением потер гладкий подбородок. – Но господин Мокки Бакоа лично направил меня к вам. Мне очень важно заполучить этот амулет именно сегодня. Это коллекционная вещь, другого шанса не будет.

После этих слов купец достал что-то из кармана и подтолкнул по столу ко мне так же, как сделал с чеком минуту назад.

На сей раз это был конверт. От его темной бумаги, очень плотной и матовой, едва ощутимо пахло мускусом. Восковая печать со знакомым оттиском в виде острой рыбьей косточки слегка раскрошилась с краю, но в остальном ее целостность не подвергалась сомнению.

8

Хм.

Бросив короткий взгляд на купца, я открыла конверт. Письмо внутри было написано явно второпях: почерк Мокки, и без того размашистый, будто пытался вырвать строчку за рамки листа.

«Джереми, помоги ему».

И никаких больше объяснений. Никаких «пожалуйста». Все очень лаконично. Истинный Мокки Бакоа, король Квартала Гильдий. «Verba regis pensanda auro

sunt» — «Слова царя на вес золота», как говорится в поэме Ристохана, написанной на мертвом нитальском языке, предположительно иномирном.

— Ладно, — вздохнула я, убирая письмо в ящик стола. — Тогда расскажите подробнее, что за амулет вам нужен и откуда его надо украсть.

Купец улыбнулся.

— Не откуда, а у кого, госпожа Барк. Хозяина амулета зовут Тилвас Талвани, он аристократ и сегодня на закате должен приехать в наш город...

* * *

Проводив заказчика, я принялась составлять запрос для информатора.

До заката оставалось достаточно времени, чтобы раздобыть дополнительную информацию о господине Тилвасе Талвани. Несмотря на то что дело было пустяковым (вероятно, поэтому Мокки мне его и поручил — нежная поблажка для *дорогой Джереми*), полагаться только на слова клиента всегда казалось мне несусветной глупостью. Воры, которые так делали, в случае неуспеха расплачивались за небрежность собственной жизнью.

Написав письмо, я попрыскала бумагу своими любимыми духами — сандал, кедр, пачули, — достала из клетки одного из почтовых воронов и прицепила свиток ему на лапу.

9

Всего у меня живет шесть птиц, названных по именам богов-хранителей: Теннет, Авена, Селеста, Дану, Карланон и мелкий взлохмаченный Рэндом. Можно сказать, это моя маленькая месть: держу богов на побегушках... Но и кормлю. И ухаживаю. И глажу по антрацитовым лоснящимся перьям по вечерам.

— Лети в цветочную лавку, Карланон, — велела я, распахивая окно и выпуская птицу на волю. — Принеси мне немного данных о господине Талвани.

С хриплым карканьем птица развернула крылья и понеслась прочь между черных и красных крыш столицы.

На самом деле обычно я не граблю живых людей.

Моя специализация — розыск легендарных артефактов, и преимущественно я работаю на древних кладбищах, в затонувших святилищах и заброшенных храмах. Чуть реже — в фамильных склепах и монастырских библиотеках.

Коллеги из Полуночного братства подшучивают надо мной, называют гильдийской принцессой и слабачкой (попробовали бы они всю ночь работать киркой, ну да). Я в ответ беззлобно огрызаюсь стихами из древних поэм, и они, бывает, долго еще гогочут, услышав что-нибудь неприличное в сочетании звуков очередного мертвого языка. Я закатываю глаза. Они хлопают меня по спине и разливают на всех сливовое вино. Воцаряется мир.

Прошло уже пять лет с момента моего появления в гильдийском квартале, но я до сих пор слегка выделяюсь среди большинства воров. И дело не только в том, что я по делу и без цитирую классические стихи на нитальском. Еще у меня чересчур гордая осанка и походка: я долгие годы училась гимнастике, танцам, чьяге и фехтованию, это не вытравишь. У меня есть ученая степень, полученная в лучшем университете страны по одной замечательной дисциплине, но... Так получилось, что сейчас я преступница.

Да.

10

Так получилось.

Никто во всем городе, кроме черноглазого психа Мокки Бакоа, понятия не имеет, откуда я тут взялась. И в моих интересах, чтобы так оставалось как можно дольше.

...Почтовый ворон, вернувшийся ко мне от информатора, принес сведения о том, что господин Тилвас Талвани сегодня в восемь вечера будет проезжать в своем экипаже сквозь Плачущую рощу.

«Ты сразу узнаешь его карету, — писал мой любимый информатор Жан по прозвищу Герань, ибо для прикрытия держит цветочную лавку. — Экипаж очень вычурный, с золотыми узорами в виде цветов.

Этот господин Талвани — настоящая светская бестолочь. Баловень судьбы, последний представитель угасшего рода Талвани, он славится бедовым характером. По окончании университета он уезжал куда-то на север на несколько месяцев, а вернувшись, продал свой фамильный замок. Это было ошибкой: некогда приличный человек, он начал жить на вырученные деньги и перестал работать, и теперь становится всё безалабернее год от года. Когда его укоряют в тунеядстве, он говорит, что занимается магией, просто тайно. Однако, если продолжить расспросы, он сразу рассмеется и попробует тебя соблазнить, заявив, что готов показать свое колдовство на практике. (*Пишу это, и меня уже тошнит, Джерри!*)

Талвани вхож во все знатные дома Пика Волн, его часто видят на приемах у наместника Исцинари. Ему нравится эпатировать публику и делать всяческую чушь. Он удивительно хорош собой, но очень неприятен, как и всё бессмысленное в этом мире. Амулет, который тебе нужен, всегда болтается у него на груди, как очередной признак дурного вкуса.

В общем, Джерри, просто сорви побрякушку и убегай — это изнеженное чучело тебя ни в жизни не догонит».

«*Изнеженное чучело!*» Какая прелесть. Жан всегда был силен в метафорах.

Что ж, подстеречь красавчика в Плачущей роще — отличный план.

* * *

Я надела узкие брюки, майку и *таофи* травянисто-зеленого цвета — традиционную островную одежду с широкими рукавами, которую запахивают крест-накрест на талии и подвязывают длинным поясом *лоби*.

На ремешок на бедре я прицепила дротик со снотворным и короткий кинжал. На указательный палец — кольцо иллюзий, благодаря чему мои синие волосы (я чистокровная шэрхен) стали казаться черными, не такими приметными. На другие пальцы — еще перстни с разными полезными функциями. Я вообще люблю артефакты: здесь подсветка, здесь чары, здесь электрический удар — и жизнь становится интереснее.

— Аррьо, ребятки! — крикнула я воронам на прощание, и они ответили неравномерным птичьим гвалтом.

Аррьо — это шэрхенмистское «пока-пока».

Мой путь лежал через центральные кварталы Пика Грëз.

Наш город — одна из двух столиц Шэрхенмисты. Он расположен в гористой местности, в центре сумрачного острова Рэй-Шнарр. Город очень красивый: весь в скалах, кедрах, причудливых озерах и загадочных подземных реках. Вокруг столицы кольцом вырастают неприступные горы — мы живем будто в пиале. Чтобы попасть в Пик Грëз, нужно воспользоваться либо Подгорным туннелем, либо широким Рассветным трактом, либо старой дорогой через Плачущую рощу — так называется лес, расположенный в ущелье.

Деревья там вырабатывают какое-то невозможное количество смолы, причем черной, и издали кажется, что они обливаются горячими слезами. Все это выглядит довольно угрюмо, поэтому дорога пользуется меньшей популярностью, чем другие две.

Но мне она нравится.

Добравшись до леса, я устроила засаду в корнях величественного кедра. Смола стекала по стволу надо мной огромными каплями, подсохшие иголки падали сверху и устилали тонким ковром все вокруг. В роще все еще было светло, закат приближался неспешно, почти вразвалочку, и дорога, хорошо просматриваемая далеко вперед, пустовала.

В ожидании я еще раз прочитала данные об амулете Тилваса Талвани, который мне надо украсть.

Этот амулет аристократ носил на груди уже несколько лет. Украшение представляло собой медальон в виде двуглавого ворона: в центре — черный кристалл, а вокруг серебряная оправка. На все вопросы господин Талвани отвечал, что это некое сентиментальное напоминание, и сразу же активно напускал на себя томность и загадочность.

Хм. Пижон.

Наконец вдалеке послышался свист кучера, скрип экипажа и цокот копыт. Я подготовила дротик со снотворным. Когда темно-синяя карета моего клиента — и впрямь роскошная — оказалась ко мне максимально близко, я поднялась и запустила дротиком из специальной трубки.

Идеальное попадание: кучер даже не понял, что случилось. Лишь хлопнул себя по плечу, будто пытаясь избавиться от мухи, а уже через пару секунд отпустил вожжи и грузно обвис. Ближайшие три часа его ничто не разбудит.

Лошади, почувствовав перемену обстановки, сделали еще несколько шагов и остановились, тревожно пофыркивая и прядая ушами. В роще повисла выжидательная тишина, разбиваемая только далеким криком иволги.

Что ж, начали.

Я шагнула из-за дерева на дорогу. Оглянулась — не появилось ли незваных гостей? — в три прыжка подскочила к карете и распахнула дверцу.

Моим глазам предстал молодой аристократ собственной персоной.

Он полулежал на обшитом шелком диванчике, закинув одну руку за голову и держа какую-то книгу в другой. Между пальцами господин Талвани перекачивал карандаш, которым, видимо, делал страшно много пометок во время чтения — даже с моего ракурса было

видно, что поля книги сплошь исчерканы комментариями.

Губа азартно прикушена, взгляд больших серых глаз так и бежит по строчкам, не отвлекаясь на какую-то глупость вроде появившейся в двери воровки. Густые каштановые волосы растрепаны: Тилвас явно пытался заправлять их за уши, но они так же упрямо выскользывали обратно.

Длинные ноги аристократа занимали, кажется, почти все пространство кареты. Одежда была с иголочки: свободные брюки, нижняя туника, таори и объемный плащ *роба* с капюшоном и широкими рукавами, выполненный, кажется, из чистейшего кашемира. Все — в благородных бежевых и синих тонах.

Расслабленная поза, шальная искорка во взгляде, элегантность и гармоничность облика... Тилвас, как мантией, был окутан аурой своего благополучия.

На мгновение я пожалела, что не могу полюбоваться им чуть дольше — оценивающе и отстраненно, как гравюрой, вставленной в сборник трагических пьес. «Давайте проанализируем, что может крыться за этой внешностью? Какой характер вы бы играли, достанься вам роль такого героя?» — будто задребезжал у меня в голове голос одного из наших университетских преподавателей.

14 Но сейчас было не до актерских упражнений. Важнее другое: на груди аристократа висел искомый амулет.

— Привет! — ослабилась я и, потянувшись вперед, схватилась за медальон.

С силой дернула на себя.

Но...

— Привет, — в тон мне ответил Тилвас Талвани, мгновенно перехватывая мое запястье. — А ты у нас кто такая?

И его приветливое выражение лица внезапно сменилось хищным оскалом.

Гурх.

— Налоговая! — рывкнула я, ребром свободной ладони ударив его по шее.

2 ПЛАЧУЩАЯ РОЩА

Actum est, ilicet.

«Дело закончено, можем расходиться».

Чего-чего, а удара Тилвас не ожидал.

Как минимум настолько подлого. Я заранее активировала кольцо с эффектом оцепенения, надетое на мизинец, и теперь оно, коснувшись кожи аристократа, шарахнуло Талвани магическим разрядом. Тилвас вздрогнул и задохнулся, инстинктивно отпрянув, а потом застыл.

Я прикрыла ему глаза — моргать оцепенение тоже не позволяет, а я не изверг, — и дернула за амулет еще раз.

И еще. И еще.

Да что ж такое-то! Из чего эта цепочка сделана, что не рвется?!

Намертво вцепившись в подвеску, я практически вытянула онемевшего Тилваса из кареты. Я уже прикидывала, насколько уместным будет развернуть его спиной и, нежно убрав с шеи волосы, расстегнуть подвеску традиционным способом, когда цепь все-таки поддалась.

— Ну наконец-то, — выдохнула я и погладила господина Талвани по щеке. — Прости меня, парень. Считай платой за въезд в наш город. Надеюсь, с тебя не убудет. И не надо меня догонять, только ноги в лесу переломашь.

Тилвас, что логично, не отвечал.

Зажав трофей в кулаке, я спрыгнула на землю и рванула прочь в подступающих сумерках. Однако я убежала недалеко: позади вдруг раздался отчаянный хрип. Полный боли, будто последний крик раненого животного, он был настолько безысходным, что я застыла на месте, чувствуя, как ужас ввинчивается шурупом между лопатками.

Черные птицы вспорхнули из придорожных кустов. Пыль поднялась от промчавшегося по роще ветра.

Вздروгнув всем телом, я обернулась.

Тилвас Талвани, отошедший от заклинания, буквально вывалился из кареты. Одной рукой он держался за горло. Кожа его посерела, глаза лихорадочно горели, из уголка рта и из ушей текла кровь, заляпывая шикарную тунуку. Он пытался дышать — его грудь тяжело поднималась и опускалась рывками, с трудом, но что-то ему мешало.

— Что случилось? — обомлела я.

— Меда... льон... — одними только губами произнес Тилвас.

Потом глаза его закатились, и он рухнул на пыльную дорогу.

Я обмерла. Затем попыталась заставить себя отвернуться. Бежать дальше. *Не мои проблемы.* Именно так должен поступать нормальный вор — сваливать от неприятностей со всей доступной ему скоростью. Именно так меня учил Мокки Бакоа. Да что там Мокки — так учила сама, мать ее, жизнь... Глумливая. Беспощадная. Садистка.

Выругавшись, я бросилась по дороге. Но не прочь — а обратно к карете.

Я упала возле аристократа на колени и завязала порванную цепочку грубым узлом вокруг его шеи. Только сейчас я заметила, что в моих руках медальон потух, став скучно-черным, зато на груди Талвани снова замерцал, будто ночное летнее небо.

Ничего не происходило.

— Да чтоб тебя! — в сердцах рывкнула я, ударяя кулаком по карете.

Этот мерзавец не дышал.

— Подъем!

Пощечина. Никакой реакции.

— Медальон на тебе, пора просыпаться!

Тишина в ответ.

Мое сердце колотилось, как бешеное. Кровь, вытекающая изо рта Талвани, была такой красной... Растекаясь по ткани, она темнела, и эти грязные пятна, мои трясущиеся руки, умирающий человек на песке — все это вызывало у меня тошноту и слабость. Перед моим мысленным взором в отчаянной безжалостной яркости проступали картины прошлого, которые я и так вижу каждую ночь,

до сих пор — *каждую* ночь,

пожалуйста,

не надо,

не надо опять,

я умоляю тебя,

я прошу...

— Помогите! Кто-нибудь, помогите! — закричала я, затравленно озираясь.

Помочь было некому.

Не сдавайся, Джерри.

Тяжело сглотив, я запрокинула голову Гилваса назад и, зажав ему нос, накрыла его губы своими губами. Раз выдох. Два выдох. Теперь тридцать надавливающих на грудную клетку. Не шевелится. Раз выдох. Два выдох... Это должно делаться как-то так. Я играла это на сцене.

Наконец, на последнем заходе Гилвас вздрогнул и выгнулся дугой. Да так страстно, что это никак не коррелировало со сценой вокруг — кто будет целоваться с незнакомкой, которая откачивает тебя после приступа?..

Но оказалось, что аристократ просто попытался меня придушить — и подался навстречу, чтобы было сподручнее.

Я отбила его ладони, отшатнулась и вскочила на ноги. Однако я была недостаточно шустрой — Талвани уже сел и намертво вцепился мне в щиколотку. Другой рукой он стискивал медальон у себя на груди. Здоровый вид стремительно возвращался к нему, глаза полыхали яростью.

Я пнула его левой ногой. Он одновременно дернул меня за правую, и я грохнулась на дорогу, чудом не отбив копчик.

— Кто? — с трудом захрипел Тилвас Талвани, подтягивая меня к себе. — Просто скажи: *кто?*

Я отбрыкивалась изо всех сил, но хватка у него была железная.

«Изнеженное чучело», Жан? Серьезно?

— Что — кто? — сквозь зубы процедила я, поняв, что мне не вырваться.

— Кто тебя нанял?!

Не успела я ответить, как откуда-то из глубины леса вылетела стрела. Она просвистела возле затылка Талвани и застряла глубоко в обшивке кареты. Вслед за ней сразу же появилась вторая — и воткнулась в дерево уже за моей спиной.

Цепко смотрящие сощуренные глаза Тилваса расширились от изумления. Я, не меньше его пораженная внезапным нападением, все-таки воспользовалась моментом, чтобы освободиться от его пальцев. Однако аристократ не дал мне убежать: схватив за шиворот, он буквально закинул меня в распахнутую карету. Затем прыгнул следом и захлопнул за собой дверцу, в которую тотчас вонзилось еще несколько стрел. Полетели щепки, и острые наконечники показались с внутренней стороны, но, к счастью, не прошли насквозь.

В течение двух вдохов мы с аристократом молча, с ненавистью смотрели друг на друга, после чего Тилвас

распахнул вторую дверцу и выскочил уже туда — в противоположную сторону от стрелявших.

Пригнувшись, Талвани бросился в сгущающуюся тьму между кедров. Я сделала то же самое.

* * *

В гонке по сумеречному лесу у меня было два преимущества: скорость и знание местности. Впрочем, вскоре выяснилось, что преследователи тоже прекрасно осведомлены обо всех коварных щелях, наполнявших Плачущую рощу, — незаметных узких дырах в земле, с хрустом ломающих ноги беспечным путникам.

Я мчалась сквозь лес, взмывала по наклонным гребням скал, перепрыгивала вздыбленные корни деревьев, подныривала под водопады, но погоня не отставала. Судя по голосам, нападавших было человек семь. Теперь они растянулись цепочкой и единым фронтом прочесывали рощу — я слышала их крики позади.

— Главное: грохнуть их! — приказывал кто-то, отнюдь не стесняясь орать на весь лес. — Не жалеть, не брать в плен, сразу грохнуть!

— Джеремию Барк тоже?

— Да!

Великолепно.

— Так, может, спустим на них браксов от господина, шеф?

— А давай!

Браксы?.. Это еще кто такие?

Вой, раздавшийся в чаще минуту спустя, буквально вынул из меня всю душу. Он ввинчивался в уши, как шуруп, и я задохнулась от жгучей боли, пронзившей меня от головы до пяток.

Сразу после послышался хруст ломающихся веток, топот и глухое рычание. Скорость браксов, чем бы они ни были, не шла ни в какое сравнение с человеческой.

Чувствуя, как кровь шумит у меня в ушах и как зашкаливает уровень адреналина, я, подгоняемая ужасом, мчалась изо всех сил. Ветки деревьев цеплялись за мою одежду и хлестали по лицу, запах черной смолы казался кладбищенским. Ночная темнота уже полностью затопила Плачущую рощу.

Наконец я больше не могла бежать. Легкие разрывались. Вой приближался.

Решив залезть на дерево — *ну хоть что-то*, — я, тяжело дыша, остановилась у огромного кедра. Помимо ветвей впечатляющей толщины у него была еще одна отличительная черта — огромное дупло у земли, почти в человеческий рост.

Я готовилась подпрыгнуть, как вдруг чья-то невидимая рука схватила меня за плечо и затащила в это дупло.

— Чтоб тебя!..

— Тише! — велел жесткий шепот невидимого собеседника, и я узнала голос Тилваса Талвани. — Какого пепла ты остановилась именно у этого кедра?!

— Может, это мой кедр-любимчик! — огрызнулась я. — Почему ты невидимый?

— Артефакт, — кратко бросил Талвани и прижал палец к моим губам. Тотчас и я тоже стала невидимой, судя по пропавшим из виду рукам. — Не двигайся! — приказал аристократ.

— Немедленно убери свою грязную руку с моего рта, иначе я откушу тебе палец, — предупредила я, клацнув зубами.

20 — А ты немедленно умолкни, иначе браксы откусят все пальцы *тебе*, — не остался в долгу Тилвас, но все же послушно перевел руку мне на плечо.

Вновь завыл один бракс — и еще несколько сразу же последовали его примеру, наполнив чашу ужасным, холодящим кровь звуком.

Я и без подсказки не собиралась переговариваться со своим нежеланным спутником, но одна вещь требовала немедленного прояснения. Привстав на цыпочки,

я почти беззвучно шепнула куда-то туда, где предполагалось ухо аристократа.

— Следы и запах. Невидимость от них не спасает, гений.

— *Моя* невидимость спасает и от них. Артефакт запутает следы и уведет преследователей дальше. У нас пятнадцать минут. И — для справки — я уже жалею, что втащил тебя в это дупло.

— А я жалею, что не втащила тебе как следует первым ударом.

Снаружи послышался еще один дикий вой, и мы с Тилвасом, сколько бы неприятных эмоций ни испытывали на сей счет, только сильнее прижались друг к другу.

Где-то совсем близко от дерева раздался жадный хриплый лай и какое-то отвратительное чавканье. Браксы крутились рядом, и я ощущала их присутствие, как давящее на грудь отчаянье, липкий страх, ползущий вверх по ногам. Я задержала дыхание, чувствуя, как непослушное, взвинченное сердце пытается выломать мои ребра к праховой бабушке.

Это чавканье... Я крайне болезненно отношусь к подобным звукам вследствие некоторых обстоятельств. *Крайне* болезненно. С учетом того, что и на песчаной дороге меня накрыло не лучшими воспоминаниями, сейчас их двойная доза вызвала у меня неконтролируемую дрожь по всему телу.

Тилвас Талвани почувствовал это.

На мгновение он замешкался, а потом... крепко и утешающе обнял меня двумя руками, как будто близкого человека после долгой разлуки. Это оказалось так неожиданно и неуместно с учетом обстоятельств нашего знакомства, что я от удивления перестала дрожать. И мгновенно разозлилась.

— Отцепись от меня, извращенец!

— Браксы уйдут — отцеплюсь. Ты так трясешься, что выдашь нас! Хватит пихаться!

— Еще на сантиметр ближе — и по кодексу чести тебе придется на мне жениться!

— Ой, да ему шестьсот лет, иди к гурху! Ай! Мне же больно!

— Ура!

За этой перепалкой мы как-то даже отвлеклись от тянущего ужаса, разлитого по роще.

Наконец, ничего не найдя, хищники взвыли в третий раз и рванули дальше. Вслед за браксами пробежали наши преследователи, перекрикиваясь на ходу.

— Цэп, Джуп, расставьте ловушки на дороге! Брого, на тебе выход в город, не пропусти этих ублюдков! Вайнс — на тебе южные ворота ущелья. Остальные — продолжаем прочесывать рощу, эти сволочи никуда не денутся.

— Шеф, а может, отправить кого-то к Джеремии домой?

— Да там давно все схвачено. Но я хочу, чтобы мы закопали их *тут*. *Наши* отряд, а не городской. Ясно тебе?

— Ясно, шеф!

Я беззвучно выругалась. Это не просто несколько человек, это целая облава. Небеса всемогущие, да во что я вляпалась?

Вскоре голоса отдалились и наступила тишина.

Снаружи были слышны лишь звуки ночного леса: шепот травы, шорох иголок, крики цапель где-то вдалеке... Остро пахло смолой и пряным парфюмом — от Тилваса. Только после того, как рассеялся эффект невидимости, Талвани отстранился. Он сделал полшага назад и, опершись на противоположную стенку дупла, вскинул подбородок.

— Ну? — спросил он. В темноте я не могла разобрать выражение его лица. — Еще раз: кто тебя нанял?

— Я не знаю, — холодно сказала я.

— Ты согласилась убить человека и не спросила имя заказчика?

— Я не соглашалась никого убивать. Я воровка, а не убийца. Моей задачей было украсть твой китчевый медальон — и все. Откуда я знала, что ты без него начнешь умирать?

Тилвас ничего не ответил, только судорожно стиснул пальцами амулет, который слабо переливался в темноте.

— Неужели ты сам не знаешь, кто хочет тебя убить? — я сложила руки на груди.

— Представь себе, не знаю.

— Что, слишком длинный список желающих?

— Напротив. Ни одного имени в голову не приходит.

— Пф. А по тебе и не скажешь. Ты что, святой?

— Нет, я нормальный. Жаль, что в твоём мире, воровка, смерти не желают только святым.

— Вообще-то им тоже желают, я перепутала. Именно так они и становятся святыми: после долгого мучения.

— Что ж, вдвойне жаль.

И, развернувшись на пятках, Тилвас Талвани шагнул наружу, в лес. Я поджала губы. Потом тихо выругалась и выскочила из дупла следом за ним. В призрачном свете луны аристократ в заляпанном кровью плаще казался призраком, сошедшим с книжных страниц мрачных историй.

— Эй, — окликнула я. — Куда ты?

— А что? Предлагаешь с тобой остаться?

— Ты меня бесишь, но вообще-то это не худший вариант.

Талвани обернулся, вскинув бровь. Взгляд у него был такой, что мне мгновенно захотелось дать ему в глаз, а не предлагать сотрудничество, но логика пока была сильнее эмоций.

— Как это ни прискорбно, мы оба влипли, — объяснила я. — Я тоже нужна им и, судя по их душевным беседам, у меня нет шансов мирно договориться. Если мы станем действовать заодно, нам будет легче выбраться

из рощи: я хорошо знаю местность, а у тебя, полагаю, есть еще полезные артефакты. И мы оба умеем дать отпор.

Бровь Талвани всползла еще немного выше. В голосе послышались насмешливые нотки, когда он сказал:

— Ты пыталась меня *убить*, вообще-то.

— Зато потом я тебя спасла. Фокусируйся на хорошем.

— Мой психолог говорит так же.

— Умный психолог.

— Вовсе нет, я его уволил.

И, внимательно глядя мне в глаза, Тилвас Талвани слегка наклонил голову набок. Что-то вроде: ну, что скажешь на это, воровка?

Рассматривая выражение его лица, всю его вызывающую позу, я начинала стремительно понимать, за что в светском обществе его называют «бедовым». Да, в стрессовой ситуации господин Талвани проявил себя жестким, рациональным и, чего греха таить, достаточно опасным человеком. Но сейчас... С каждым мгновением, отделявшим нас от преследователей, он все больше напоминал хитрого беспечного хулигана.

Не знаю, чего он ждал, с интересом глядя на меня из-под полуопущенных ресниц, но я пожала плечами и сказала:

24 — Что ж, не хочешь — как хочешь. Тогда иди к пеплу. — А потом: — Счастливого отдыха в Пике Грёз. Незабываемых приключений и все такое. Не могу сказать, что меня порадовало наше знакомство, но теперь на практике подтверждено, что я умею делать искусственное дыхание. День прожит не зря. *Аррьо!*

Я развернулась, чуть не врезалась в кедр и быстро пошла прочь по лесу. Сзади раздался смешок. Я в ответ подняла руку с поднятым средним пальцем.

З Я АРТЕФАКТОР

Ut vivas, igitur vigila.

«Чтобы жить, будь настороже».

Памятуя о репликах преследователей, не спешащих покидать чащу, я кралась сквозь ночной лес как можно тише. Вскоре впереди послышался монотонный плеск и ровный шум воды. Прекрасно, именно эту реку я и искала, чтобы, зайдя в воду, наконец перестать оставлять за собой отпечатки сапог.

На берегу я сорвала несколько цветов деричавки, знаменитой тем, как сильно и терпко она пахнет. Крестьяне каждое лето обмазывали ею чучела на полях, чтобы как следует отпугивать птиц. Я энергично растерла синие цветочки между пальцами и помазала получившейся кашицей уши и запястья. Что ж. Теперь даже самые добродушные поэты едва ли стали бы воспевать мой запах в песнях, но и браксы, чем бы они ни были, вряд ли смогли бы взять след.

Я пошла по реке вверх, против течения, размышляя о том, что сейчас случилось и как мне с этим быть.

Я слукавила, сказав Тилвасу Талвани, что не знаю, кто меня нанял. Да, имя заказчика действительно было мне неизвестно, но ведь он пришел от Полуночного братства. От самого Мокки, прах бы его побрал.

Полуночное братство — это столичная гильдия воров. Раньше в городе процветало три воровских сообщества, но, когда одно из них возглавил Мокки Бакоа, два других были стерты с лица земли. Теперь у Полуночного братства монополия, и черноглазый Бакоа играючи катается на жерновах судьбы, без видимых усилий удерживая власть. Многие ненавидят его, но еще большее количество горожан полагает, что при Мокки в Квартале Гильдий наконец-то наступил порядок.

Иногда Мокки отправляет клиентов ко мне: если считает дело подходящим для меня или если не хочет по тем или иным причинам поручить его своим ребятам. Официально я не принадлежу к гильдии, существуя сама по себе.

Я могла бы вступить в братство в любой момент, но не спешу это делать. Как минимум меня отталкивает тот факт, что воры живут все вместе в огромных особняках и тайных убежищах, тем самым разделяя не только работу, но и повседневность. Они ведут себя как дружная семья, но при этом половина из них готова воткнуть нож в спину соседа.

Впрочем, это касается не только воров, но и всех других гильдий в квартале.

«Преуменьшаешь, — фыркает Бакоа, если он в добродушном настроении. — Это касается *всех человеческих обществ вообще*. Не говори мне, что вокруг тебя такого не было. Всегда есть те, кто больше увлечен своим мастерством. И те, кто вместо этого предпочитает плести интриги, — ненавижу этих маленьких грязных паучков с липкими лапками. Те, кто дает, и те, кто берет. Те, кто в центре — и те, кто на периферии. А самая задница в том, что даже если ты отвергаешь свою систему, Джеремиа, ты все равно уже в ней — просто в роли отшельницы».

Пожалуй, он прав.

Но если Мокки нравится царствовать в Квартале Гильдий, наслаждаясь опасностями, стычками, властью, плетя чарующую преступную сеть, то я все-таки предпочитаю коротать свои дни в относительном спокойствии тихой улицы Непрощенных.

В любом случае мой следующий шаг — это добратся до Мокки и выяснить, какого такого неприятного человечка он выдал мне в качестве заказчика.

Река начала резко забирать вверх, в горы. Я последовала за ней. Вскоре подниматься стало невозможно, течение усилилось, речные пороги постепенно превра-

тились в водопады. Я выбралась из воды и теперь, сжав зубы, занималась незапланированным скалолазанием.

Это было тяжело — особенно при том, что никакой страховки у меня, естественно, не имелось, а стоящая над горами луна не могла похвастать ярким светом. Но я полагала, что выбранный путь, каким бы пагубно-вертикальным он ни казался, — это лучшее решение. Потому что даже если я в максимально удобной одежде и с большим опытом в подобных делах еле справляюсь, то моим преследователям в их тяжелых сапогах, если они даже нащупают мой след, придется совсем туго.

Учитывая такие условия, пожалуй, хорошо, что Тилвас Талвани отказался объединять со мной усилия по побегу из ущелья. Вероятно, он бы не смог быстро двигаться под таким уклоном и тормозил бы меня.

Мои мысли вернулись к аристократу. Интересно, что с ним не так. Пусть господин Талвани и заявил, что он «нормальный», это утверждение показалось мне глубоко сомнительным. Как минимум нормальные люди не носят на шее что-то, без чего они готовы мгновенно откинуться. И не пестуют годами образ беззаботного шалопаю, при встрече с неприятностями схлопывающийся, как карточный домик, и обнажающий какую-то весьма опасную личность...

Я пожевала губами, прикидывая, какого размера будет синяк на моей щиколотке, так долго пробывшей в хватке аристократа. А потом старательно выкинула Тилваса Талвани из головы — потому что мысли о нем неумолимо превращались в воспоминания о том, как он умирал на дороге, а они, в свою очередь, готовы были соскользнуть в омут моих кошмаров, которым нет и не будет конца.

* * *

Прошло несколько часов, прежде чем я оказалась в горах достаточно высоко и далеко для того, чтобы счесть себя в безопасности.

Передо мной дремал уютный высокогорный луг — по утрам здесь наверняка пасут не одно стадо овец и коз. Но сейчас луг был пуст и тих, и только сверху на него с любопытством таращились сотни тысяч слабо мерцающих звезд. Небольшой дорожный указатель уведомил меня, что за соседней скалой располагается таверна «Приют пилигрима» для странников, которые совершают паломничество к горному монастырю богини Селесты.

Я долго кружила вокруг таверны на манер беззастенчивой ищейки. Проверяла отходные пути и заглядывала в окна, чтобы убедиться, что внутри привечают только благостных путников в плохой одежде и без оружия. «Ora et labora¹, и будет тебе счастье» — так и читалось на их добродушных лицах.

Потом я старательно смыла с себя деричавку, воспользовавшись водой из бочки: она была не по сезону холодной и пахла клевером. Я вывернула свое двустороннее таори наизнанку (шерсть стала черной, а не зеленой) и сняла кольцо иллюзий, позволив волосам вернуться к синему цвету. Наконец я развязала широкий лоби на талии и свободно обмотала им шею, превратив пояс в длинный шелковый шарф.

Нырнув в таверну, я устроилась в самом темном углу за барной стойкой — так, чтобы в висящем на стене зеркале видеть дверь.

Каково же было мое удивление, когда полчаса спустя в нее зашел не кто иной, как Тилвас Талвани. Мое лицо окаменело.

28 — Я передумал, — как ни в чем не бывало сообщил аристократ, залезая на соседний от меня табурет. — Работаем вместе.

— Как ты здесь оказался?! — прошипела я, хватая его за грудки.

Тилвас проигнорировал мои руки. Он лишь с достоинством приподнял указательный палец, подзывая

¹ Молись и трудись (*нитальский*).

бармена, и сказал: «Фирменное блюдо, пожалуйста!» Тот подозрительно воззрился на рваные полы темно-синей рубы и на запекшуюся кровь в уголках рта Талвани, но мой несостоявшийся клиент улыбнулся так ослепительно, что бармен мгновенно оттаял.

Потрясающе.

Я изобретала способ сменить внешность в полевых условиях, а он даже умыться как следует поленился. Да еще и амулет с двуглавым вороном до сих пор висел поверх одежды.

— Ты придурок, — обреченно резюмировала я.

— Нет, я Тилвас, — вежливо возразил он.

— Хорошо, Тилвас, а теперь отвечай быстро и честно. — Я демонстративно сдвинула руку поближе к его амулету и погладила двуглавого ворона большим пальцем — так, чтобы угроза была понятна. — Что ты делаешь в этой таверне?

Аристократ преувеличенно нежно накрыл мою руку своей. Теперь со стороны казалось, что мы парочка возлюбленных, а не готовые убить друг друга незнакомцы. Пожалуй, это было хорошо — для остальных посетителей таверны. Пусть лучше умиляются при виде нас, а не пугаются. Так безопаснее.

То ли для того, чтобы усилить эффект маскировки, то ли чтобы поглумиться, аристократ наклонился вперед и почти интимно зашептал мне дальнейшие фразы на ухо, слегка перебирая прядки волос и поставив несколько пальцев в опасной близости от сонной артерии. Я в ответ положила вторую руку ему в район подреберья — туда, где находится одна общеизвестная болевая точка.

Так мы достигли баланса сил.

— Как я оказался в таверне, спрашиваешь? Все очень просто: я прицепил на тебя маячок в дупле, — шепнул Тилвас.

— Гхм. Интересно, зачем? Жить надоело?

— Ну что ты, — расстроился он. — Просто мы достаточно долго и тесно обнимались для того, чтобы я

захотел угостить тебя ужином. Видишь, как всё удачно сложилось.

— Я сейчас в тебя нож воткну. И тогда удачно сложишься ты. Пополам.

— А ведь еще недавно ты не желала мне смерти.

— Так то недавно. Может, я тоже передумала?

Тилвас фыркнул, рассеянно провел кончиком носа по моему уху и наконец отстранился, заканчивая нашу маленькую игру. Он скрестил руки на груди, вольготно откинулся, опираясь спиной на стену таверны. И заговорил уже более деловым тоном:

— Я поставил на тебя маячок для того, чтобы убедиться, что ты не заодно с нашими преследователями. Вдруг это всё была история с двойным... то есть тройным, дном. Но судя по твоим метаниям, ты действительно просто воровка, попавшая в западню.

Такой ответ звучал рационально.

Я строго сдвинула брови.

— Как ты залез в гору? Это, мягко говоря, непростая задача. Я бы даже сказала, невыполнимая — для нетренированного человека.

— В любой невыполнимой задаче главное — правильная мотивация. У меня она была.

Бармен поставил перед нами наши заказы. Передо мной — кувшин и два стакана с колодезной водой, перед Тилвасом — тарелку с рисом, козьим сыром, баклажанами и кусочками курицы в пряном соусе. Блюдо, пусть и простое, пахло на славу, и Талвани едва ли не прикрывал глаза от удовольствия, обеими руками подвигая к себе глиняную миску.

30

Впрочем, я планировала всячески мешать ему наслаждаться едой.

— Откуда у тебя вообще маячок? — Я закинула ногу на ногу. — Это редкость, даже столичные детективы и заклинатели не носят при себе такие... Ох, только не говори, что ты из Тайной канцелярии. Это было бы просто дурным тоном.

Тилвас оскорбленно поморщился.

— Да брось, неужели я похож на кого-то такого? Они же там все серые, неприметные, одинаковые, чтобы в глаза не бросаться...

— Не юли.

Талвани старательно подцепил самый аппетитный кусочек курицы, прежде чем пожать плечами.

— Я артефактор. Колдун-артефактор, кто бы что ни говорил на этот счет. Поэтому у меня и есть маячок — я сам его сделал.

Я окинула его оценивающим взглядом. Артефактор, значит. Маячки — это достойный уровень колдовского мастерства.

— А та игрушка, которая путает следы?

— Да. Тоже мое производство.

А это вообще высший класс.

Тилвас вновь принялся за еду. Я еще раз внимательно оглядела всех посетителей таверны, затем подошла к окну. Горное плато казалось умиротворяюще пустым. Не хотелось бы на практике выяснить, что наши преследователи тоже разжились маячком. Впрочем, пока все было тихо.

— Артефакторика — это достойная профессия, — сказала я, вернувшись за стойку к Тилвасу. — Почему же ты скрываешь ее ото всех, предпочитая казаться нелепым щеголем? И, хранителей ради, что за убийственная дрянь висит у тебя на груди? Тебе не приходит в голову хотя бы спрятать ее под одежду?

Тилвас доел и, коснувшись сложенными ладонями лба и груди, поблагодарил бармена за еду. Тот ответил традиционным полупоклоном.

— Я думаю, тебе достаточно информации обо мне, воровка. Ты и так, я вижу, неплохо осведомлена, даже лучше, чем мне бы хотелось. А вот я знаю про тебя только то, что тебя зовут Джеремиа Барк, ты неплохо бьешь в горло, промышляешь воровством и приятно пахнешь. Кажется, сандал и кедр? — прищурился он. —

Ах да. Еще в твоих жилах течет голубая кровь. И ты явно занималась акробатикой или танцами.

Я непроизвольно поджала губы, услышав такое количество аналитики.

— Ничего себе «только».

— Я был бы не против узнать больше. — Мой собеседник подпер щеку рукой. — Однако в наших обстоятельствах считаю сближение неразумным. Поэтому я не буду ничего рассказывать о себе — только то, что потребуется для дела, — но и у тебя сказки на ночь не попрошу. Взаимное право на тайны и анонимность — как тебе такое, Джереми?

Я пожала плечами.

— Привычно. Вот только никакого такого «дела» у нас с тобой нет. Я не собираюсь с тобой нянчиться: мое предложение касалось только Плачущей рощи. И ты, и я выбрались из нее живыми. Конец сотрудничества. Пересаживайся от меня на другой конец зала, а лучше поищи себе другую таверну и другой город.

— Вот как? — аристократ вскинул брови. — А не разумнее ли объединиться, чтобы выяснить, кто и зачем хочет нас убить, а потом вместе помешать им в этом крайне сомнительном начинании?

Я скорчила сочувствующую мину.

— Господин Талвани, ты, кажется, что-то не понял. У меня уже есть план, и ты в нем не участвуешь. Предполагаю, что именно ты был первичной целью заказчиков — а мне просто не повезло стать твоей «плюс один» на этой убийственной вечеринке. Если ты не знаешь, кому помешал, то от тебя, туриста, мне никакого проку — одна головная боль.

— Хм, — сказал он, оценивая меня оглядывая. Судя по тому, что сразу не стал возражать, Тилвас чувствовал — я не блефую. — А если я тебя найму?

Я закатила глаза.

— Я воровка. Для чего ты меня наймешь?

— Сворюй мне немного времени для жизни, — подмигнул он. — Раз уж кто-то поместил мое имя в графу смертников.

— Метафора? Хорошая попытка.

— Сколько?

— Иди в задницу.

— Да ладно, у нас с тобой ведь одна цель. И у меня есть кое-какие полезные навыки. Единственное, чего мне не хватает — это знания вашего города и порядков. Я готов за него заплатить. Щедро.

— Если я погибну из-за того, что прицепила тебя на хвост, никакие деньги мне уже не помогут.

— Но ведь наверняка есть что-то интереснее денег? Я вздохнула. Какой... упёртый аристократ.

4 ТИЛВАС, ГОРЫ, РЁХХИ, Я

Cuilibet fatuo placet sua clava.

«Каждому дураку своя палка нравится».

Талвани терпеливо ждал ответа на свой вопрос. Я, по привычке крутя кольца на пальцах, размышляла.

Пожалуй, если не считать того факта, что ситуация в принципе удручающая, у меня нет особых причин отказываться от сотрудничества на данном этапе. Бросить Тилваса я всегда успею.

И да. Он *артефактор*, из-за чего я не могу не почувствовать к нему некоторого расположения, пусть и непредумышленно, почти против собственной воли.

Ведь поиск артефактов, которым я занимаюсь, — это не только моя работа, но еще и одна из немногих вещей, которая напоминает о моей прошлой жизни,

оборвавшейся пять лет назад. Несмотря на то что моя нынешняя деятельность по большей части связана с расхищением гробниц и раскопками в древних святилищах — делами грязными, коленкообдирающими, лопатомашущими, — этот поиск странным образом протягивает призрачную ниточку к той эстетствующей студентке, которой я была когда-то.

Как будто невидимая Джереми Барк из прошлого всегда стоит у меня за плечом с фонарем в руке и подбадривает:

— Давай-давай. Копай, моя хорошая. Справа упырь приближается, готовь кинжал. Это стоит того. Будет так интересно воочию увидеть браслет Анаита из героической поэмы VII века, верно? Помнишь те строфы, которые вы учили на четвертом курсе:

И день падёт, восстанет черная луна,
И небо, расколовшись, сгинет в море,
Всшипит песок, взбурлит вода,
И Анаит, крича, утонет в горе...

34 — «Всшипит» песок, ну с ума сойти! Вы тогда всей группой возмущались, что это странный перевод. Помнишь: сидели на подоконниках на третьем этаже, там такие широкие, розоватые подоконники, а за ними — один из этих шпилей с эмалированным украшением в виде цветка анемона. Ты обычно забивалась к самому витражу и уже оттуда декламировала стихи, и Кашфиль делал пометки по истории, а Финна лихорадочно искала все аллюзии к предыдущим поэмам автора — наставник говорил, их должно быть сорок две штуки. И вот это «всшипит» вас всех выводило из себя, всю группу! Вы потом специально пошли на берег проверить и... Неожиданно поняли, что вообще да, именно так это и звучит, древний поэт был прав, хоть и фриволен с языковыми средствами. Кажется, ты так хорошо помнишь эту поэму, потому что как раз после нее Финна перевелась на отделение теологии — и вы уже

общались не так часто, к сожалению... А потом... — пауза, наполненная пылью и хриплым дыханием. — Эх... Копай, Джеремя. Ищи окаянный браслет! Пора увидеть его своими глазами!

Эта призрачная Джеремя Барк, топчущаяся за моим плечом в иные моменты, — то еще трепло. Однако я отношусь к ней с определенной нежностью, как и к поиску артефактов, заполняющему мои ночи звездами, пещерами и тишиной. Ведь всем нам нужно какое-то утешение в этой изменчивой жизни, которую в любой момент может слизнуть тяжелая, необъяснимая тьма, даже годы спустя удушающая тебя во сне.

Я со вздохом протерла лицо руками, отгоняя непрошенные мысли. *Unum et idem*. Опять и опять.

Раз Тилвас Талвани настолько хорош в своих изобретениях, значит, у него, как у ценного колдуна, наверняка есть доступ в закрытые библиотеки Сената. В те, которые не рискнет взломать ни один вор, ведь собственную жизнь, какой бы поганой она ни была, не хочется обрывать посредством неснимаемого проклятия, запускающего у тебя в груди безнадежный обратный отсчет. А библиотека Сената усыпана такими проклятиями, и все они замаскированы так толково, что даже Мокки в свое время отказался идти туда. И именно в этой библиотеке хранятся книги по магическим языкам, информацию о которых нельзя найти больше нигде.

В общем, есть шанс, что именно Тилвас косвенно поможет мне с разгадкой одного шифра, над которым я так отчаянно бьюсь последние годы.

Артефактор смотрел на меня, наклонив голову набок, и смиренно ждал вердикта.

— Я назову свою цену потом, — наконец прохладно объявила я. — Когда пойму, что полезного ты сможешь мне дать. А если окажется, что ничего, — прости, но я просто уйду.

— Мм. В роще у тебя это не получилось, — сочувственно напомнил Тилвас.

– Хорошо: уйду, предварительно задушив тебя. Так лучше?

– Гораздо. Люблю честные предупреждения.

– Тогда лучше не поворачивайся ко мне спиной.

– Воткнешь нож?

– Пинка дам.

В честь обозначенного сотрудничества мы торжественно приподняли стаканы с водой. Бармен закатил глаза, не радуясь таким трезвенникам-клиентам, но возражать не стал.

После этого Тилвас Талвани заказал еще две порции риса, одну из них – мне, что меня определенно обрадовало. Не размениваясь на пустую болтовню, мы начали прикидывать план ближайших действий.

* * *

Мы решили переночевать в горах и отправиться в Полуночное братство утром. Потому что, во-первых, перед долгим днем явно нужно набраться сил, а во-вторых – если Мокки Бакоа за что-то и убьет меня наверняка, так это за то, что я разбужу его за час до рассвета.

– Куда ты? – нахмурился Тилвас, когда мы обо всем договорились и я целеустремленно направилась к выходу из таверны.

– Зайду за тобой на заре, – объяснила я. – Я не собираюсь спать прямо здесь. Хотела изначально, но... Ты явился сюда ровно в таком же виде, как был в чаще, и если посреди ночи нагрянут наши преследователи, то бармен с ходу укажет на твою спальню, и тогда вся таверна – до свидания. Я не хочу подвергать себя такой опасности.

– ...Джерри, прости: а ты всегда ходишь с таким суровым выражением лица?

– Да. Спокойной ночи.

Я прихватила в конюшне при таверне попону – свежестираную, ждущую своего часа в соломенной корзине

не. Конь, которому она предназначалась, растерянно заржал мне вслед, но я проигнорировала его возмущение. Добрых полчаса я петляла между острыми скалами, венчающими луг и похожими на скрюченные пальцы поднятых мертвецов, пока наконец не нашла себе удобную площадку для сна.

Относительно удобную, конечно.

Но мой жизненный опыт уже включал в себя ночевки в грязных переулках, на крышах и в подвалах, в полях и на побережье, даже в тюрьме. Так что я не жаловалась. Небо над головой — потолок, который мне по-своему нравится, ведь под ним как минимум никогда не бывает душно.

...Когда я уснула, ветер тоскливо пел в скалах и кедрах, а луна кокетничала, то и дело выглядывая из-за веера облаков. На лугу стрекотали цикады.

А когда я проснулась, рядом со мной сидел в позе лотоса Тилвас Талвани, подставивший лицо нежным лучам рассветного солнца.

— Мать твою! — рявкнула я от неожиданности. — Что ты здесь делаешь?!

— Медитирую, — он приоткрыл один глаз. — Тебе бы тоже не помешало. Доброе утро.

* * *

После некоторого допроса — краткого, но выразительного, — выяснилось, что Тилвас Талвани нашел меня с помощью все того же маячка. Я чувствовала себя облапошенной, ведь перед сном я старательно осмотрела всю свою одежду и ничего не обнаружила. И поэтому решила, что маячок, как и многие одноразовые артефакты, саморазрушился через некоторое время после активации.

Теперь же, прижав артефактора к скале, я требовала ответа: где на мне спрятана эта неэтичная дрянь. Тилвас в ответ шутил, говорил, что забыл, и совето-

вал мне устроить стриптиз, чтобы уж точно избавиться от маячка.

К его вящему удивлению, я и впрямь начала раздеваться.

— О, — только и сказал он.

— Что, засмутился? — вскинула бровь я, но в самый интересный момент ушла за скалу.

Маячка так и не было. Странно.

Тем не менее я сменила свою одежду на вещи, прихваченные в таверне. В ней имелся ящик для пожертвований — он пользовался популярностью, ведь «Приют пилигрима» находился на дороге к монастырю — и я без особых угрызений совести взяла оттуда штаны и тунику с длинными рукавами.

Еще одни брюки, безрукавку и льняное таори я швырнула в Тилваса, выйдя обратно.

— Переоденься, — велела я. — И пойдем в город.

Когда он, в свою очередь, появился из-за скалы, я раздула ноздри.

— Парень, тебе следует спрятать свой паскудный амулет под одежду. Иначе наш маскарад не имеет смысла. Еще на лбу напиши: я Тилвас Талвани. И то привлечешь к себе меньше внимания: идиотов в Пике Грész много, а вот богатых идиотов с такими побрякушками — уже ограниченное количество.

Аристократ ощерился.

— Я не могу его убрать.

— Почему это? Ностальгия заест? — ядовито поинтересовалась я.

38

Тилвас не стал отвечать, просто взял амулет и закинул его за ворот. Я удовлетворенно кивнула, но... мгновение спустя неверяще сузила глаза.

Амулет был снаружи. На ткани.

— Стоп, — сказала я.

— Пха, — сказал Тилвас.

— Сделай это еще раз.

Он убрал амулет. Я моргнула. Амулет вернулся.

— Не утруждайся догадками, Джеремиа, — пропел аристократ, заметив тяжелую работу мысли на моем свеженьком поутру лице. — Это необъяснимо. Я потратил шесть лет, пытаясь спрятать эту штуку — раз уж снять пока не судьба, — но, увы, он неизбежно оказывается сверху.

— Я снова начинаю думать, что зря с тобой связалась, — резюмировала я.

А сама сделала мысленную пометку: *шесть лет, значит.* Надо будет как-нибудь невзначай выяснить, чем занимался мой спутник в то время, может, и о происхождении амулета догадаюсь.

— Я могу прикрывать медальон рукой, — предложил артефактор и патетически возложил руку на грудь. — Буду изображать туриста, очень растроганного видами города.

— Мы идем в злачное место. Скорее ты будешь испуганным туристом.

* * *

День был погожим и свежим, как лимонное мороженое на палочке. Кучевые облака беспечно шатались по небу, им вторили пухленькие овцы, выгнанные пастухами на прогулку. Светло-зеленая трава шепталась и волнами перекатывалась на теплом майском ветру.

Мы пересекли несколько очаровательных полей. В центре последнего из них находилось небольшое святилище духа горных лугов — *грюовви*. Я попросила Тилваса подождать и направилась туда.

Я не религиозна.

Мои отношения с шестью богами-хранителями ограничиваются тем, что я училась в университете, посвященном Селесте. И, как я уже говорила, моих почтовых воронов зовут в честь богов. Изредка перед походом в какую-нибудь особенно паскудную гробницу я

могу зажечь свечу для богини Дану, знаменитой своей способностью выкручиваться из неприятностей.

Однако мне не понять серьезного подхода к культуре богов-хранителей. Как минимум достаточно унижительно поклоняться тем, кто так похож на тебя, разве нет? Боги — они ведь... *плотные*. У них есть тела, сексуальные предпочтения, не самые лучшие, согласно легендам, характеры, слабости и странности, откровенные дурости — как по мне. Они путаются с людьми и совершают ошибки, они самонадеянны и в то же время испуганны — как и все мы, перед лицом бесконечности. Они такие же, как и мы, по сути. И поэтому я им не доверяю. Как и людям.

К тому же однажды, когда я попала в беду, никто из богов не пришел вовремя, хотя в тот раз я искренне воззвала к ним. И знаете что? Я прощаю их за это. Но поклоняться — увольте.

В этом плане мне гораздо ближе культ *рёххов* — духов природы, населяющих архипелаг Шэрхенмисты.

Рёххи — это бесплотные сущности, которые покровительствуют тем или иным природным зонам, явлениям и состояниям. Домашние духи. Глубоко нематериальные, невидимые. Воплощенные в образе животных — а вот животных я как раз люблю.

40 Рёххи живут будто на другом слое реальности, практически не связанном с человеческим бытием: люди не могут касаться рёххов, а рёххи не могут касаться людей. Однако при этом духи природы имеют возможность взаимодействовать с другими сущностями и тварями, а также с предметами и вещами — при условии, что у рёхха для этого достаточно личных сил.

Конечно, духам не молятся, как богам. Скорее — просто задабривают их, совершая либации¹, а еще чаще — используют святилища как возможность поси-

¹ Либации — бескровные жертвоприношения.

деть в тишине и прислушаться к собственным мыслям, непостижимо возникающим и толкущимся на черном экране сознания.

В общем, рёххи — это наш маленький островный культ, почти игрушечный, услада для тех, кто уже ни гурха не вывозит психологически, а идти к знахарю не хочет.

Сейчас я подошла к святилищу *груовви* — духа, который имеет обличье сурка и покровительствует горным лужайкам Шэрхенмисты.

Святилище *груовви* выглядело как небольшой источник, обложенный по кругу камнями, с деревянным навесом и медным черпаком, висящим на перекладине. На крыше сидела деревянная фигура самого духа — сурок был толстеньким, довольным жизнью и солнечным весенним деньком.

Под навесом шуршали десятки записок, привязанных к балке красными нитками. На каждой была нарисована какая-нибудь руна — в зависимости от того, что хотел попросить у *груовви* оставивший ее человек.

Я сняла черпак, набрала в него воды и обмыла сначала левую руку, потом правую, а после — прополоскала рот. По правилам воду из источников духов нельзя пить, но я считаю это глупостью — такая вода, напротив, гораздо вкуснее обычной. Я очень сомневаюсь, что даже если *груовви* прямо сейчас сидит у меня за спиной, пожевывая травинку, добродушный сурок обидится из-за пары глотков, утекших в меня, а не в землю.

Я закончила ритуал низким поясным поклоном, после чего вернулась к Тилвасу Талвани. Он ждал меня, сидя на обочине горной тропинки и играя с ящерицей, которая с какой-то радости его не боялась, а, напротив, залезла на колено мужчины и сладко жмурилась сообразно тому, как Тилвас почесывал ей кожистую макушку.

Артефактор никак не прокомментировал мою внезапную религиозность. Если что-то и роднит всех без исключения шёрхен — так это глубочайшее уважение к чужим ментальным проблемам.

* * *

Путь в город был долгим — мы игнорировали проторенные пастушьи тропки и спускались по самым непролазным местам.

В огромной котловине внизу переливался под лучами солнца Пик Грёз — острые спиральные башни, причудливые дома из темных пород древесины, множество веревочных мостиков, поверху соединяющих целые кварталы, ярко-оранжевые храмы богов...

Наконец мы спрыгнули со скалы сначала на крышу какой-то лавки, потом — непосредственно на землю, и, выбирая тихие улочки, отправились напрямик в Квартал Гильдий.

Он представлял собой настоящий город в городе, скрывающийся за высокой красной стеной. На деревянных въездных воротах были вырезаны многочисленные предупреждения о том, что ждет вас внутри. Улицы стали не в пример уже, прохожие — эксцентричнее, а по каналам, пронизывающим квартал, плавали черные плоты торговцев. Тут и там огромными черепахами выделялись здания гильдий: ассасинов, наслаждений, игроков, охотников, бойцов, виноделов и другие.

Вскоре мы стояли у дверей Полуночного братства.

— Жди здесь, — приказала я Тилвасу. — И постарайся не привлекать лишнего внимания, вокруг бродит много неприятных людей.

— Да уж, я по тебе понял, — отозвался Талвани и еще драматичнее прижал руку к сердцу, пряча медальон.

Я хмыкнула:

— Любуешься городом, как и планировал?

— Нет, сдерживаю тошноту. Любоваться тут правда нечем. Копия нашего Пика Волн, только без моря и с этими ужасными кедрами вместо елок. Почему у вас вообще есть статус столицы? Дыра какая-то.

— Ты неблагодарная дрянь, — жестко осаждала я Тилваса. — Именно Пик Грѐз зарабатывает деньги для всего государства и зачем-то делится с вами, приморскими городишками.

— Не веди мы морскую торговлю, вы бы стухли в своих горах. А еще мы — культурная столица.

— А мы — *настоящая*, — с нажимом сказала я. — Сенат заседает у нас, у вас лишь наместник. Что касается культуры...

...Как любые настоящие шэрхен, мы могли до посинения спорить о том, какая столица лучше — береговой Пик Волн или скалистый Пик Грѐз. Это являлось настолько классической темой, что, с одной стороны, ее было неинтересно обсуждать, а с другой — начав, ты просто не мог остановиться. Есть мышечная память, а есть, кажется, дискуссионная — твой мозг уходит в отключку, а язык продолжает плевать острыми в адрес второй столицы.

Впрочем, хотя такие споры нередко доводили до взаимных проклятий с использованием тканых кукол и втыкаемых в них иголок, мы, жители Шэрхенмисты, никогда не злились на оппонента по-настоящему. В глубине каждого из нас живет древняя безмятежность, спокойствие океана, которое позволяет нам относиться к чужому мнению с пиететом и уважением, даже когда оно не совпадает с нашим.

Сейчас Талвани и я с пиететом и уважением обозвали друг друга «портовым шлюхом» и «сенатской подстилкой», после чего с достоинством разошлись. Он нырнул в ближайший переулок, а я поднялась по ступенькам гильдии.

Упомянуть о том, что я сама — уроженка Пика Волн, из-за чего вся критика с моей стороны была откровенным притворством, я, конечно, не стала.

5 ПОЛУНОЧНОЕ БРАТСТВО

Dicitur cornix cornici nunquam oculum effodere

«А говорят, ворон ворону никогда глаз не выклюет».

Здание Полуночного братства выглядело, как оплывший панцирь из темного камня.

Круглые окна были затянуты красными слюдяными пластинами, над входом со скрипом раскачивалась латунная табличка с символом гильдии — белым рыбьим скелетом. Здание выглядело не таким уж большим: основная часть комнат располагалась под землей, наверху находились только просторный общий зал с кухонным уголком и кабинет Мокки Бакоа.

44 Всего во владениях Полуночного братства сейчас находилось пять зданий. Два из них являлись бывшими штабами других воровских гильдий. Еще два — убежищами, то есть конспиративными домами, скрытыми в центральных кварталах Пика Грёз. В убежищах воровская элита могла прятаться от властей или отдыхать между серьезными делами. Найти убежища просто так считалось невозможным.

В столице было еще одно, третье, убежище, которое когда-то принадлежало Братству Скользких и которое Скользкие отказались выдавать даже за очень высокую цену. Мокки до сих пор активно искал его для своей колледжии, но пока что поиски не увенчивались успехом.

Я поднялась по трем полукруглым ступеням крыльца и постучалась. Не успел затихнуть звук последнего

из моих ударов, как в двери приоткрылось окошко. В окошке появилось лицо.

– Привет, Чо.

– Привет, Коготочек. Что тебе надо? – миролюбиво отозвался Чо.

Коготочек – это мое нелюбимое прозвище.

– К Мокки на пару слов.

– Мокки занят.

– Мокки сейчас ест свой завтрак, насколько я знаю его любовь к четкому расписанию. Я не скажу ничего такого, что заставило бы его подавиться.

– Ну смотри. Плохое настроение Мокки – много проблем для всех нас. Не подведи.

И Чо открыл мне дверь.

Внутри гильдии все потихонечку просыпались и выползали наверх, приманенные запахами с кухни. Острые локти, блестящие глаза и широкие ухмылки, нестерпимое самолюбование и жажда мериться всем подряд, – гильдийские воры были похожи на сборище недокормленных, худых по весне лебедей. Нескладные и громкие существа, они обменивались шуточками и перекидывались паровыми булочками, пока на жаровне грелся чугунок с русалочьим кофе.

Чо – белобрысый выходец из болот южной части острова, бледный и всегда маниакально сбрывающий брови – захлопнул за мной дверь и двинулся туда же.

Но он ушел недалеко. Я схватила его за плечо и развернула:

– Верни.

– Ну ты и зануда, – надул губы Чо и вытащил из кармана только что снятое с меня магическое колечко.

Мокки, в чей кабинет я по-свойски ввалилась, сидел прямо на столе, скрестив ноги, нахохлившись и поедая лапшу из картонной коробки. Шеф воров был в своем репертуаре: на коленях лежала свежая газета, шаровары не скрывали изящных щиколоток, а к красному по-

ясу, затянутому поверх черной майки, была привязана связка отмычек. На шее Бакоа болталась опасная бритва, на которой была выгравирована строка из старинной песни:

Сумрак наполнил холмы, и я закрываю глаза.

Господин Бакоа был блёсном, то есть уроженцем подводной страны Рамблы, которого в один прекрасный момент достало существование на дне. Тогда Мокки сбежал из заколдованного морского царства: он, прорвав защиту Рамблы, выбрался на берег, сорвал с себя магические артефакты, позволяющие блёснам жить на глубине, отрёкся от родины и переехал в Пик Грёз — как можно дальше от моря.

Бунтарь Мокки Бакоа.

Мокки красивый и злой. У него шальные черные глаза и встрепанные русые волосы. Он великолепный организатор и сдвинут на порядке — ему нужны четкие расписания, правильно разложенные вещи, идеально выглаженная одежда. Если ты разозлишь Мокки, он может тебя убить.

Но мне он нравится. Если не сказать сильнее.

Однако за все годы нашего знакомства я убедилась в том, что самое лучшее, что я могу сделать с бабочками в своем животе — это приколоть их булавками на стену очень плохих идей.

46 Говорят, Мокки просто не способен любить. Никого. Максимум доступной ему душевности — завести рыбок и угрожать немедленной расправой всем, кто по-46 смотрит на аквариум неровным взглядом. И то не ради рыбок, возможно. А потому что Мокки — абсолютно поехавший тип.

Я не полностью согласна с этим утверждением, но... Однажды я поцеловала Бакоа. Он не ответил, а потом разбил зеркало, возле которого мы сидели, и ушел. Вот и все, *miserabile dictu*¹.

¹ Достойно сожаления (*нит*).

Когда я вошла в кабинет, архимастер воровской гильдии скользнул по мне цепким взглядом и вновь вернулся к лапше.

— Привет, Мокки.

— Угум. Ты чего так рано явилась?

— Проблемы. Заказчик, которого ты послал ко мне вчера, оказался с душком и открыл на меня охоту.

Мокки не спеша отхлебнул чай из маленькой глиняной чашечки. Изящные пальцы знаменитого взломщика сжимали ее лениво-расслабленно.

— Печально, — сказал Бакоа чуть погодя. — А за что он на тебя охотится? Ты не выполнила заказ?

— Можно сказать и так.

Я рассказала ему о случившемся во всех деталях.

Мы с Мокки вместе пережили нечто очень неприятное. Такое, о чем не принято вспоминать, что заставляет меня цепенеть при звуках грозы и потом, при встрече с Бакоа, отводить глаза. Хотя он все равно всегда замечает это и молча протягивает мне фляжку с крепким пойлом:

— Проветри мозги, Джеремия.

Если я кому-то и доверяю в Пике Грëз, то этому парню, выползшему с самого дна — во всех смыслах этого слова.

Мокки слушал меня внимательно. Он отложил лапшу и, не расплетая ноги, подпер щеку кулаком.

— В общем, мне нужно узнать, кто сидит по ту сторону игровой доски, — подытожила я.

— Понимаю твое желание. Но есть проблемка.

Бакоа пожевал губами и хрустнул пальцами, прежде чем сказать:

— Я вчера не посылал к тебе никаких заказчиков, Джерри.

Кровь отхлынула у меня от лица.

— Невозможно, — я стиснула кулаки. — Он сказал гильдийский пароль, знал мой адрес и правильный стук в дверь. Он дал мне письмо, запечатанное твоей личной эмблемой, в конце концов.

— Так-так. Письмо у тебя?

— Нет. Оставила в кабинете.

— Вот крыса, — широко улыбнулся Мокки. — Да нет, не ты, Джерри. А тот из наших, кто всё это подделал и сдал.

Он с кошачьей грацией спрыгнул со стола, отбросил газету и снял со стены кабинета длинный боевой посох в стиле южных пустынь. После этого с ноги распахнул дверь в основное помещение гильдии, которое уже наполнилось гомоном братьев и сестер Полуночи, шумно завтракавших за общим столом.

— СУКИ! — гаркнул Мокки, крутанув посох в руках и после долбанув им о каменный пол гильдии.

Разговоры тотчас оборвались. Я, стоявшая в дверях, оперлась плечом о косяк.

* * *

— Кто. Сдал. Наши. Явки? — прошипел Мокки Бакоа, как форменная гадюка, и, недобро волоча за собой посох — тот неприятно скрипел по камню, — медленно пошел к столу.

Очень медленно. Угрожающе.

Лица воров вытянулись и побледнели. Лапочка Джайя подавилась булочкой и теперь выбирала, что лучше — сдохнуть от удущья или от того, что она перебьет Мокки своим кашлем.

48 — В нашем братстве не так много правил, милые... — угрожающе рокотал Мокки, обходя стол и эдак по-отечески поглаживая по щеке каждого из подчиненных. Посох во второй его руке искрил и горел фиолетовым, набалдашник в виде черепа ожил и теперь скалился. — Важнейшее из них — быть верным...

Бакоа внушал ужас, и вся гильдия наполнилась отчетливым запахом страха.

Они и впрямь боятся его. До икоты. Особенно в те периоды, когда Мокки как будто бы сносит крышу — це-

лыми днями он ходит взвинченный и энергичный, и ты не знаешь, чего ждать от него в следующую секунду.

Сейчас Мокки впечатляюще разглагольствовал, и руки воров все сильнее дрожали. Я пыталась догадаться, чем закончится дело, кто из двух дюжин людей за столом продал своих — *и за что?* — как вдруг во входную дверь заколотили.

Бакоа не обратил на это ни малейшего внимания, ключник Чо не посмел шелохнуться. Стук продолжался, становясь все интенсивнее, к нему добавились невнятные выкрики, толком не проникающие сквозь железную дверь.

В итоге к ней двинулась я. Стоило мне отодвинуть заслонку окошка, как обнаружившийся по ту сторону Тилвас Талвани с искаженным лицом заорал:

— Берегись! На вас нападают!

И в то же мгновение позади меня раздался звон разбитого стекла. Что-то круглое и тяжелое пролетело сквозь общий зал гильдии — мимо замерших за столом воров, мимо разгневанного Бакоа, — влетело в шкаф с магическими свитками и взорвалось.

Гномья граната.

Помещение начал затягивать ядовитый антрацитовый дым. Мокки взревел кое-что совсем непечатное и, развернувшись на пятках, швырнул свой посох, будто копье, в разбитое окно — едва появившийся за ним человек без единого вскрика рухнул где-то за пределами сцены.

Второе окно тоже разбилось — еще одна граната прилетела мне прямо под ноги, и я едва успела пнуть ее прочь — бронзовый шар взорвался в воздухе в центре зала. Как черный фейерверк, рванули во все стороны удушающие клубы колдовского дыма.

Некоторые воров, не успев отойти от моральной порки под авторством своего архимастера, произвольно вдыхали яд — и тотчас падали на пол. Черный дым не был смертельным, но приносил ослепительную

вспышку боли, похожую на пощечину твоему сердцу, и мгновенно усыплял человека на долгие часы.

Стоны. Кашель. Удары об пол и грохот падающих от взрывов полок с тубусами городских карт.

В гильдии воцарился полный хаос.

Окна продолжали звенеть, осыпаясь, и теперь сквозь них, судя по крикам и звону металла, пробирались внутрь вооруженные нападающие. На стену рядом со мной из темноты плеснуло кровью.

Гурх.

Я резко отодвинула засов и во всю ширь распахнула дверь, надеясь пустить свежий воздух и выбраться наружу. Но теперь на пороге, помимо побледневшего Тилваса Галвани, стояло трое ассасинов из Алого братства. На их лицах были тканые маски, наверняка пропитанные календулой, которая могла нейтрализовать ядовитый дым.

Один из ассасинов, увидев меня, чуть сильнее, до крови, прижал изогнутый клинок к горлу Галвани, еще один ужом проскользнул в дверь и исчез в дыму, откуда тотчас послышался громкий, исполненный гнева крик Бакоа.

Третий же ассасин открытыми ладонями с силой толкнул меня в грудь, отбрасывая от двери обратно, во тьму нападения, выбивая из легких весь воздух, до боли, до жжения, до слез из глаз... Не вдохнуть теперь не получится, как бы я ни старалась — гурхов рефлекс, убивающий утопленников на глубине.

50

Падая назад и чувствуя, как меня обволакивает темная бархатная пучина, я с ненавистью смотрела в равнодушные карие глаза над тканой повязкой.

Алое братство. Ведь мы с вами знакомы, сволочи. Соседние гильдии. Так много совместных пирушек и дел. Шутки, песни, ночные бои на досках, перекинутых через каналы квартала — и проигравший, на радость зрителям, с плеском падает в воду, вечно пахнущую гнилью и водорослями.

Как же так, Алье? Как же так?
Вот поэтому я и не люблю гильдийский квартал...
Дым проник в мои легкие. Всплеск боли — я потеряла сознание.

6 СДЕЛКА

Cui bono? Cui prodest?

«Кому это выгодно? Кто от этого выигрывает?»

Я очнулась в сыром и сумрачном месте, на влажных теплых камнях. Шея болела. Голова раскальвалась, в легкие будто кошки нагадили.

Я села и осторожно огляделась: почти ничего не было видно, но я точно находилась в некоем подземном тоннеле. Кое-как сфокусировав взгляд, далеко впереди я рассмотрела дрожащий огонек свечи и за ним — еще какое-то неоформленное свечение.

С трудом поднявшись, я пошла туда. По мере приближения к огоньку стал слышен негромкий разговор, доносящийся с той стороны. Слова отражались от стен тоннеля, расплескивались, множились, спотыкаясь о собственное эхо, и поэтому разобрать их было не так-то просто. К ним добавилось журчание воды.

Разговаривавшие находились за поворотом тоннеля, а свеча, привлекая мое внимание, стояла как раз на углу. Подойдя почти вплотную, я наконец узнала голоса Мокки Бакоа и Тилваса Галвани. Третий принадлежал женщине.

— Нет, я не смогу дать вам эту информацию, — говорила женщина. — У меня ее нет.

— Так своруй. Точнее, пусти меня, я сворую, — с нажимом предлагал Мокки.

— Я и так пошла против своих, не хочу нарываться и дальше... Но есть другой вариант.

— Какой? — заинтересовался Тилвас.

Я молча вывернула из-за угла, и трое собеседников одновременно, как совы, перевели на меня блестящие глаза. Они сидели вокруг костра, разведенного у подземной реки.

Отблески пламени танцевали на стенах тоннеля, высвечивая руны, обозначающие «кровь» и «мечь». Вдоль потолка была выбита надпись:

Бледная смерть с одинаковой улыбкой стучит в лачуги бедняков и дворцы царей

Нарушая клятвы свои, знай, что тихая госпожа все видит

Увидев ее, я поняла, где мы: в почти пересохшем русле реки под названием Кровь Сенаторов, некогда в полную силу текшей под городом. Говорят, именно в нее около тысячи лет назад сбросили десять убитых сенаторов Шэрхенмисты, не оправдавших ожидания своего народа. Сейчас река почти пересохла, и оставшиеся тоннели использовали как тайные ходы, соединяющие здания разных гильдий и кое-какие места столицы.

Трое у костра поздравили меня с пробуждением после яда.

Тилвас, несмотря на случившееся, выглядел достаточно бодро. А вот Мокки досталось: правая рука вора была перевязана и подвешена на бинте у груди, под глазом расплылся впечатляющий синяк. Майка порвана, лоби пропал, шаровары запачканы кровью. Судя по всему, чужой.

Сидевшая рядом с ними женщина с короткой стрижкой была одета в темно-синий костюм ассасина. Это ее карие глаза я видела перед тем, как потерять сознание. Ее звали Раэль, и мы знали друг друга.

— Какого гурха? — сишло спросила я ее.

Раэль пожала плечами:

— Я вас спасла, между прочим. Никто из ассасинов не любит убивать тех, с кем делил еду. Но наша гильдия не могла отказаться от заказа, пришлось действовать хитро. Прямо сейчас кое-кто изучает всех захваченных нами воров, надеясь увидеть среди них ваши с ним, — кивок на Тилваса, — мордашки. И найдись они, вас бы уже придушили. А так вы все еще на свободе. И, конечно, мы не стали бы убивать Бакоа.

Она повернулась к вору и уважительно коснулась ладонями груди. Мокки ощерился.

— А без яда нельзя было как-нибудь обойтись? — сказала я, потирая саднящее горло.

— Конечно нет. Спрятать и переместить три бессознательных тела уже после бойни гораздо проще, чем пытаться договориться с вами в процессе. Так что лучше благодарно улыбнись мне, воровка, и присоединяйся к обсуждению дальнейших планов.

В ответ я изобразила скорее оскал, нежели улыбку, и тоже села у костра. Раэль фыркнула и обвела нас троих взглядом.

— Как я понимаю, вы хотите узнать имя заказчика. У меня его нет. Но его знает архимастер нашей гильдии. Если вы добудете ему кое-что, что он ищет, то он поделится информацией — и тогда вы поймете, кто открыл охоту на вас и заплатил нам достаточно для того, чтобы мы напали на Полуночное братство.

Не успела ассасинка договорить, как Мокки Бакоа рассвирепел.

— Ах ты гадина! — зарычал он, вскакивая, хватая Раэль за грудки и приподнимая ее над полом одной здоровой рукой.

Его глаза с густыми, почти по-женски длинными ресницами загорелись безумным огоньком, а сбитые в драках костяшки пальцев побелели.

— Не любите убийства тех, с кем делили еду, да?! Скажи как есть — всё это часть плана твоего архимастера! Вы спасли этих двоих не потому, что вам их

жалко, а потому что заранее хотели продать нам информацию!

Он явно был прав. Раэль скривилась, но отрицать ничего не стала.

— Что хочет получить твой архимастер? — спросила я.

— Сначала скажи ему отпустить меня, — процедила она, глазами указывая на Мокки.

— Раэль, он король квартала. На мои слова ему наплевать.

— Молодец, Джерри, правильно отвечаешь, — отозвался папочка воров, но ассасинку все-таки выпустил.

Тилвас Талвани наблюдал за сценой молча и только с очевидным интересом переводил взгляд с вора на убийцу и обратно.

Раэль с достоинством отряхнула невидимые пылинки, потом задрала подбородок и отбарбанила:

— Повторю еще раз, чтобы вы точно осознали: нам, ассасинам, действительно совсем не понравилось, что нас вынудили напасть на воров. В квартале и так пролилось слишком много воровской крови в последние несколько лет, *да, Мокки?* — со значением протянула она. Бакоа не среагировал на провокацию. — Но нашему заказчику нельзя было отказать. Поэтому мы сделаем вид, что не можем вас поймать. У вас есть две недели, чтобы разобраться с ситуацией. До тех пор все воровы будут у нас в плену, а мы якобы будем вас безуспешно искать. После этого по требованию заказчика мы начнем убивать воров. По одному. Вам в назидание. Хорошо бы вам до этого самим разобраться с тем, кому нужны ваши головы.

54

— Так скажи нам его имя! — снова прошипел Мокки и потянулся здоровой рукой к своей бритве.

Но Раэль поспешно подняла руки.

— Шеф даст вам имя заказчика, если вы поможете ему кое с чем... Он просит, чтобы вы достали ему бриллиантовое кольцо герцогини Льовез. Оно хранит-

ся в замке в Лесу лжецов. Говорят, там такой сейф, что хоть на две секунды притормози после введения неправильной цифры — и взлетишь на воздух. Мокки, в прошлые годы мы несколько раз пытались дать тебе этот заказ, но ты отказывался. Может, согласишься теперь?

Тилвас оценивающе хмыкнул, а Мокки вопреки моим опасениям теперь лишь саркастически расхохотался, а не придушил Раэль голыми руками.

— Какая прелесть, — осклабился он. — В заднице Джеремиа, а платить просят меня.

— Ты тоже в заднице, — «утетила» Раэль. — Точнее, твои воры.

— Я могу себе новых набрать.

— То есть мы их режем? Так и передам.

— Стоп! Нет! — я вмешалась до того, как этот псих скажет «да». — Я украду для вас бриллиантовое кольцо.

— Ты не справишься, — бросил Мокки.

— Точно не справишься, — поддакнула Раэль.

— Я смотрю, тебя в этом городе ценят? — Талвани улыбнулся мне со своего места.

Я стрельнула в него мрачным взглядом.

Несмотря на улыбку, Тилвас сейчас казался очень задумчивым, как будто старательно прикидывал что-то.

— Вообще, ваше предложение и впрямь несколько несправедливо по отношению к господину Бакоа, — протянул аристократ, глядя на ассасинку. — Тогда как мы с Джеремией *хотим* узнать, кто нас преследует, на господина Бакоа вы просто пытаетесь надавить, что, как я понимаю, чревато неприятными последствиями. Но у меня есть идея. Давайте я присоединюсь к просьбе ассасинов, чтобы сделать ее более привлекательной для вас? — он обернулся к Мокки. — То есть найму вас.

Я изогнула бровь:

— Вчера ты нанял меня, сегодня пытаешься нанять его?

— Всех нанимаю!.. — беспечно отмахнулся Талвани. — Я же богатенький аристократ, как-никак. Могу расплатиться звонкой монетой и все такое. Украдите это несчастное кольцо из замка Льовезов — и помимо информации от убийц получите увесистый мешок с золотом от меня... Потому что меня тоже прямо *очень* интересует имя того, кто мог меня заказать. И да, я хочу поехать в замок с вами. С кражей украшения не помогу, но поеду обязательно, — не терпящим возражения тоном закончил он.

Мои брови от такого финала уползли куда-то на затылок, Раэль сказала: «О?», а Мокки с интересом наклонил голову набок.

Когда пауза стала слишком долгой, я покачала головой:

— Тилвас, это отличная попытка, но ты все-таки не можешь нанять Бакоа. Тебе не хватит денег покрыть убытки, которые понесет Квартал Гильдий в его отсутствие. Здесь тотчас развернется война банд, и, думаю, наши друзья Алые тоже понимают, что это дохлый номер, — я обернулась к Раэль.

— Не торопись, Джеремиа, — вдруг прервал меня Мокки. — Я еще не сказал «нет».

Какое-то время вор буравил Тилваса и Раэль взглядом, а потом прищурился:

— Я за. Давайте сыграем в вашу игру. Нанимаешь так нанимаешь, аристократ. Скатаемся в замок, и там мы с Джерри стащим кольцо.

56 — Пока вы будете ездить к Льовезам, наше братство позаботится о том, чтобы вас не искали в Лесу лжецов, — деловито кивнула Раэль. — И мы сделаем все возможное, чтобы не допустить войны банд. Нас вполне устраивает твое главенство в квартале, Бакоа.

Мокки отмахнулся и закатил глаза. Я нахмурилась.

— Мне нужно, чтобы кто-то из ваших людей позаботился о моих воронах, пока меня нет. Позаботиться не

означает свернуть им головы, — подчеркнула я. — Это значит кормить, холить и лелеять.

— Договорились, — согласилась Раэль. — Тогда с вас колья. И только попробуйте проигнорировать нашу просьбу: шеф лично удостоверится в том, чтобы вас нашли где угодно. С очень неприятными для вашего здоровья последствиями. Не говоря уж о плачевной судьбе воров. Но, Мокки, конечно же, мы приносим извинения за нападение на твой дом, — она склонила голову перед шефом воровской гильдии.

Он в ответ плюнул ей на обувь.

Раэль не среагировала. Коротко кивнув мне, она сделала два скользящих шага назад и будто исчезла. На самом деле — профессионально растворилась в тенях, сливаясь с ними в едином танце. Хождение в тенях — это не имеющее ничего общего с магией умение, которое тренируют и воры тоже, но в котором ассасины особенно преуспели.

Мы остались в пещере втроем.

Очень странная компания.

Возле костра откуда ни возьмись появился мотылек. Он, серый и невзрачный, целеустремленно летел к огню — и Тилвас вдруг наклонился вперед и поймал его в ладони у самого пламени. «Ну ты и дурак!» — беззлобно пробормотал Талвани, явив тем самым странную сердобольность, и закрутил головой, прикидывая, куда ему деть насекомое так, чтобы пресечь его попытки романтического самоубийства.

Мы с Мокки переглянулись. Пока аристократ возился с мотыльком — он решил унести его за угол, подальше от соблазнов, — Бакоа успел одними губами шепнуть мне кое-что. Я кивнула.

Да начнется представление.

— А ты в курсе, что все случившееся — это твоя вина, Джеремиа? — искривив губы, презрительно и громко заявил Бакоа. — Один вор погиб, многие ранены.

Я вздохнула.

— Мне жаль.

— Тебе *жаль*? — со смешком повторил Мокки. — Это всё, что ты скажешь? Подумай еще немного.

Брови Тилваса, вывернувшего из-за угла, сошлись в одну прямую линию.

— Чем я могу помочь братству? — выдавила я.

— Серьезно? Ты за гибель *помощью* отвечать собралась? Охренеть просто. И чем же тут можно помочь, мне интересно? — развеселился Мокки.

— Я... — Я встревоженно поднялась на ноги.

— Да, ты. Что «я»? Расскажи, будь добра, как ты купишь чужую смерть? Сто способов наберешь? На десяти сдуешься? А может, и один придумать не сумеешь, а, Джеремиа? Ты принесла неприятности в мой дом и теперь должна расплатиться.

— Мокки... — намеренно испуганно протянула я, глядя на то, как он медленно приближается ко мне, не разрывая зрительного контакта и поигрывая бритвой в руке.

Тилвас Талвани быстро пошел к нам.

— Кхм! Господин Бакоа! Какие у вас претензии к Джеремиа, если это *вы* вовремя не распознали предателя в своей гильдии?

Мокки резко обернулся к нему.

— Лезешь в чужие дела, а, аристократишка? — процедил вор. — Заступаешься за хрупких леди?

— Просто я видел уже достаточно крови на сегодня. Еще одна драка? Спасибо, но нет.

58

— А если я безо всяких драк тихо и мирно ее прикончу?

— Развлекайтесь. Только не на моих на глазах.

Бакоа окатил Тилваса подозрительным взглядом с головы до пят, будто просвечивающая лекарская лампа.

— Тогда отвернись, — равнодушно бросил он.

И тотчас скольльзящим шагом подступил ко мне, повернув бритву так, что она опасно блеснула вблизи от

моего горла. Вопреки своим словам Тилвас бросился вперед. Он успел схватить Мокки за запястье и занес кулак второй руки для удара, но вор вывернулся и буквально растворился в тени, чтобы мгновение спустя вынырнуть с другой стороны костра. Никакой бритвы у него в руке уже не было.

— А говорил: «развлекайтесь»! — с маньячной улыбкой посетовал Мокки.

Я во время всей сцены стояла не двигаясь. Вся ссора была задумана лишь как своеобразный тест для аристократа. На благородство и скорость реакции — или на глупость. Как посмотреть.

Тилвас его прошел.

— Он бы меня не тронул, — пояснила я, обращаясь к Тилвасу.

Тот только неопределенно хмыкнул, глядя на нас с Бакоа уже с куда большим интересом, чем прежде.

— Кто-то действительно погиб? — спросила я у Мокки.

Вор вздохнул. На его лице вновь воцарилось привычное скучающее выражение. Он подошел и традиционно стукнулся со мной кулаками, отмечая разыгранную сценку.

— Да, но это не так трагично, — сказал Бакоа. — Пока ты была в отключке, Раэль любезно пояснила нам, что они как раз таки убили крысу, — и он назвал имя одной из мелких сошек. — Очень жаль, что это случилось быстрее, чем я смог допросить ее. Иначе бы нам не пришлось идти на эту idiotскую сделку насчет колье, чтобы в итоге узнать имя ублюдка, которому я сначала отрежу все пальцы на ногах, потом на руках, потом... Впрочем, интереснее будет импровизировать на этот счет, — сам себя перебил Мокки.

Я кивнула.

Что ж. Земля пухом предателю.

Потом воровской мастер ткнул пальцем в сторону Тилваса Талвани.

— Что касается тебя, парень... Уж не знаю, кто ты такой *на самом деле*, — многообещающе протянул он, — но, судя по шумихе, ты разозлил кого-то серьезного. И если кто-нибудь предложит мне сделать ставку, я проголосую за твою скорую смерть. Потому что едешь ты с нами или нет, а нянчиться я с тобой не собираюсь. Ты сам по себе, красавчик.

Тилвас в ответ улыбнулся. В свете костра черты его лица заострились, приобретя неожиданно хищный вид. Кажется, он понял, по каким правилам и в каких амплуа играют в квартале, и теперь готов был отрываться на полную катушку.

— А я всегда был сам по себе, мне не привыкать, — мелодично пропел Талвани. — Так что мой тебе совет: не ставь против меня серьезные суммы, вор. Разоришься. Опозоришься. Расплачешься, в конце концов.

И аристократ картинно смахнул пальцем воображаемую слезинку Мокки Бакоа.

— Ну на-а-адо же, — протянул тот, сузив глаза. — Этот воробушек считает себя саблезубым, а, Джеремиа?

Он пружинисто шагнул к Талвани и уставился на него снизу вверх: Мокки не может похвастаться высоким ростом, тогда как аристократ явно не пренебрегал в детстве кашей.

— Это хорошо, что ты дерзкий, — умилился Мокки Бакоа. — С такими обычно весело. Поначалу. Но постарайся вовремя прикусывать язычок.

60 — А то что? — улыбнулся Талвани. — В следующий раз не станешь уворачиваться, дашь мне все-таки врезать тебе, как следует?

— Да нет, просто я уже знаю твой секрет, понимаешь ли... — подмигнул Бакоа и нежно обхватил пальцами медальон в виде ворона.

И вдруг случилось неожиданное.

Рука воровского мастера вспыхнула оранжевым светом, и Мокки, невнятно взыв, отскочил аж на два метра, тряся кистью.

— Какого хрена? — зашипел он, глядя то на меня, то на Тилваса, невинно начавшего насвистывать.

— Защита от дураков, а? — ухмыльнулся аристократ. Мокки повернулся ко мне на пятках:

— Ты говорила, его можно просто сорвать?

— Потому что я просто его сорвала, — удивленно отозвалась я.

И, чтобы не быть голословной, тоже подошла к Тилвасу. Он настороженно замер и посмотрел на меня очень внимательно, но не стал возражать, когда я положила руку на медальон.... Моя рука осталась в полном порядке.

— Защита от дураков. И что это значит? — спросила я Тилваса.

— Что ты не дура? — предположил он.

А потом искренне развел руками:

— Я не знаю, почему он не действует на тебя. Всех остальных мой артефакт всегда бил. Так что твое нападение в карете стало поистине неприятным и необъяснимым сюрпризом.

Мы с Мокки переглянулись, как бы решая: верить словам Тилваса или нет? Бакоа вдруг хрипло расхохотался.

— Знаешь, Джерри, а кажется, не просто так именно тебя приставили к этому гиблому делу... — протянул вор. — Странные дела тут творятся. Напомни мне, пожалуйста, обговорить с заказчиком и этот момент тоже, когда мы привяжем его к стулу. Интересно же. А сейчас — пора готовиться. Мне надо собрать кое-какие сведения и выбрать отмычки для сейфа в замке Льовезов. Ваша задача — найти нам транспорт для дальней поездки. Встретимся в полночь в таверне Ричарда, что за Рассветным трактом. Вопросы есть?

Я мотнула головой, Тилвас же подмигнул:

— А ты, я смотрю, любишь командовать. Компенсируешь что-то, вор?

Мокки посмотрел на него, как на вошь, недостойную даже грубостей.

— Аррьо, придурки! Выход там, — кивнул он куда-то в глубину тоннеля и, чуть прихрамывая, пошел в обратную сторону.

ЭТО БУДЕТ ДВОЙНАЯ КРАЖА

Claudi vicinus claudicat ipse brevi.

«Сосед хромого сам в скором времени начинает хромать».

Подземный тоннель вывел нас с артефактором в районе Падающих садов — богатом квартале Пика Грез, чьи жители подсобрали деньжат и насадили вдоль дорог растения, которые — *ну надо же*, — даже не являются кедрами.

Яркий солнечный свет ослеплял после темных подземных ходов, и мы с Тилвасом шли, отчаянно щурясь. Хотя вскоре оказалось, что артефактор щурился скорее из соображений лукавства.

— Этот Бакоа... — протянул он. — Ты давно в него влюблена?

— С чего ты взял, что я в него влюблена? — мгновенно вскинулась я.

62 — От тебя несёт влюбленными парами за километр, когда ты рядом с ним.

— Ты под чем-то, что ли? Какими парами?

— Точно влюблена, — подытожил Тилвас.

И чуть погодя добавил:

— Это не очень хорошая идея — влюбляться в такого, как он.

— Так, знаешь, нам надо заехать к знахарю. Куплю порошок от склероза, а то я что-то не помню, что-

бы я спрашивала твое мнение на этот счет, — проце-
дила я.

— Просто господин Бакоа — опасный человек. Мне
кажется, он убивает чаще, чем целуется.

— Ты общался с Мокки меньше суток. С чего ты
взял, что у тебя о нем правильное мнение? Может, все,
что ты видел, — всего лишь маска, а по жизни Бакоа —
гребаный одуванчик?

— Конечно, маска, — легко согласился Тилвас. — Но
я клянусь тебе: под ней — совсем не цветочки.

— Еще раз: с чего такая уверенность?

— Может быть, потому, что я не менее опасен, чем
он. Или даже опаснее.

Я закатила глаза.

— То есть в тебя тоже влюбляться не надо.

— А что, ты уже готова?..

— К счастью, такая ошибка мне не грозит. У меня
аллергия на смазливых бестолочей.

Тилвас расхохотался.

— Ты сейчас пытаешься меня задеть, что ли? Какая
прелесть, Джерри.

— Я пытаюсь донести до тебя, что по сравнению
с Бакоа ты нежный котенок, воспитанный в теплом
замке да на парном молочке, и да, у тебя в заплечном
мешке ворох сомнительных тайн, но то, что ты вообще
говоришь о любви и что-то там вслух анализируешь в
чужих сердцах, уже разносит вас с Мокки по разным
сторонам галактики.

— А. Я понял. То есть ты способна влюбиться толь-
ко в отбитого социопата. Ну да, тогда я и впрямь в без-
опасности: томный взгляд Джереми Барк на мне не
остановится.

— Смотри-ка, кажется, я и впрямь тебя задела.

— Нет. Зато ты великолепно обнажила свое боль-
ное место, дав мне восхитительный рычаг давления — и
тему для шуточек на ближайшие две недели... напарни-

ца, — мурлыкнул Тилвас и расхохотался, отпрыгивая, когда у него под носом оказался мой кулак.

— Ты бы лучше подумал еще раз, кому ты все-таки насолил, а, Талвани, — процедила я, и аристократ, по-мрачнев, умолк.

Впереди замаячила конюшня. Тилвас хотел свернуть к ней, но я покачала головой и потащила его дальше. В ответ на ехидное предположение о том, что я собираюсь опуститься до кражи коней, я лишь пренебрежительно хмыкнула.

Нет, воровать коней я не собиралась.

Но для поездки в Лес лжецов, который расположен за цепью болот и гор, гораздо лучше подходили не лошади, а *гаррафы* — островные ездовые ящеры, бегающие на двух задних ногах. Усердные и выносливые, гаррары прекрасно выполняли свою работу, однако отталкивали большинство горожан своей непривлекательной внешностью и высоким ценником за аренду. Помню, когда я впервые села на гаррара, у меня в уме еще долго крутилась строчка трагика Бул'гра Фолгоса:

*«Урод, всеми отвергаемый, ты свое дело делаешь честно,
Но не надейся, что трудолюбие даст тебе место
в чертоге небесном».*

Ремесленников в древней Шэрхенмисте всегда ценили меньше, чем поэтов. Увы.

Мы с Талвани пришли на постоялый двор, на табличке которого был нарисован гаррар с уздой, зажатой в мощной челюсти, и вскоре присмотрели двух красных ящеров.

Оседлав их, мы помчались напрямик к восточному выезду из города — Рассветному тракту. По дороге мы пересекали центральную часть Пика Грёз — мне не хотелось светиться, но, с другой стороны, так мы выигрывали время. Плюс у гарраров были так удобно расположены шипы на шее, что за ними пряталась грудь всадников — и, значит, медальон Талвани.

Самым примечательным зданием в городе была витая башня Сената. Вокруг нее стояли мелкие дворцы старой и новой знати. Пока мы ехали, Тилвас с интересом крутил головой, всматриваясь в гербы, украшавшие их ворота.

Я тоже засмотрелась на них. Гербов было великое множество. Они все изображали рёххов.

Нужно сказать, что, согласно нашим традициям, рёххи делятся на три ранга: робкие, характерные и неподражаемые. Робких больше всего, много десятков, а вот неподражаемых только двое — альбатрос *эндольф*, повелевающий океаном, и волк *горфус*, хозяин мертвых земель, столетия назад заключенный в призрачную тюрьму.

Но ярче всех в островном фольклоре сияют характерные рёххи: о них повествует множество сказаний и притч, а возведенные в их честь святилища можно найти по всей Шэрхенмисте. Как раз лаковые изображения характерных рёххов столичная знать наносила на деревянные створки ворот — это считалось признаком благополучия и хорошим тоном.

Мы видели панели с рисунками в виде медведя *урсу*, кошки *нихири*, змеи *сайнаджо*... Чьи-то ворота были расписаны целиком: их населяло множество рыб и морских обитателей, чьи имена шли орнаментом вдоль створок.

— Какой нескромный хозяин у этого дома! — хмыкнул Тилвас. — Забрал себе столько рёххов разом.

— Ну так это же морские, — я пожалала плечами.

— Тоже верно.

И действительно: тогда как рёххи, проживающие на земле, считались независимыми и самодостаточными, духи моря образовали единый союз. Некоторые исследователи даже выделяли их в самостоятельную категорию: морские рёххи. В сказаниях духи воды всегда выступали заодно. Тот, кто злил одного, огребал ото всех сразу.

— А у нас в Пике Волн не принято так украшать ворота, — отметил Талвани, задумчиво глядя на особняк, над дверью которого был изображен белый лис *пэйярту*, хаотичный покровитель высокогорных кедровых рощ.

В ответ я хотела буркнуть что-то из серии: «Еще одно доказательство, что мы лучше», но Талвани безмятежно продолжил, не дав мне вставить реплику:

— Кстати, я был не до конца честен с тобой и Мокки. Так.

Приехали: проблемы, акт второй. Или третий — я уже со счета сбилась.

Я резко дернула за поводья своего гаррара, и ящер мгновенно остановился, застыв, будто камень.

— Так? — повторила я, на сей раз вслух, для Талвани.

Тилвас тоже остановился и, увидев выдающийся уровень моей угрюмости, поцокал языком.

— Ничего криминального, — сказал он. — Просто по поводу замка Льовезов — я захотел присоединиться к вам не потому, что, скажем, боялся остаться здесь один до вашего возвращения, а потому что мне самому нужно туда же. Собственно, посещение замка было одной из целей моей поездки в Пик Грёз. Так что мне до пепла повезло с тем, что ассасины направили вас в ту сторону.

— И зачем тебе в замок? — нахмурилась я.

— Ты не поверишь... — Талвани искренне наслаждался ситуацией. — Но я тоже хочу его ограбить.

Я поняла, что такой разговор не стоит начинать в центре города.

И вообще лучше вести его в присутствии Мокки — чтобы дважды не тратить свои душевные силы на удивление и ярость. А так: сейчас я спокойно подожду вечера, а там Бакоа живенько среагирует за меня.

Так что я непререкаемо захлопнула распахнувшуюся варежку Талвани:

— Надо уехать из столицы как можно скорее. Поговорим потом.

Мне и впрямь хотелось быстрее покинуть город. Ведь Раэль сказала, что Алое братство проследит за тем, чтобы нас не искали именно в Лесу лжецов — а в столице опасность оставалась на прежнем уровне. То, что ассасины не отказались от нападения на Полуночное братство, означало, что заказчик, вероятно, занимает высокую должность. Возможно, в Ратуше. Либо в Скалистом или Военном ведомстве¹. Ассасины, не будь дураки, не стали бы перечить тем, кто в состоянии развалить весь Квартал Гильдий. Или, возможно, это был какой-то личный заказ для архимастера Алого братства...

Так или иначе, как бы я ни размышляла на тему того, кто мог подставить меня, а теперь жаждать моей смерти, ни одно конкретное имя и ни одна причина не приходили мне в голову. Говоривший со мной клиент в костюме купца явно был просто посредником.

Талвани тоже ограничивался лишь задумчивым «гхм» всякий раз, когда мы с ним — неминуемо и неумолимо — поднимали эту тему по дороге к таверне Ричарда. По пути мы сделали два перерыва: сначала остановились у магазина одежды, а затем — у магической лавки, построенной неподалеку от Рассветного тракта, у водопада.

Это лавка, пусть и небольшая, спрятанная в кедровой роще и почти незаметная на фоне темной скалы, имела хорошую репутацию: сюда заглядывали за зельями, артефактами и книгами многие столичные колдуньи. Так и сейчас: пока я выбирала зелья и маг-свитки, не лишние для дела, рядом со мной придиричиво изуча-

¹ Скалистое ведомство — главное министерство Шэрхенмисты, занимается внутренними делами.

ли сушеные травы два заклинателя в традиционных татори рубинового цвета, длиной до колена. Их черные лоби были вышиты защитными рунами, красные бусины, вплетенные в пряди волос у лица, напоминали о том, что заклинатели нередко проливают свою кровь, защищая Шэрхенмисту от темных духов, сущностей и тварей.

— В Плачущей роще объявились браксы, представляешь, — сказал один заклинатель другому. — Мы с трудом их обуздали. Пока непонятно, появились ли они сами или кто-то призвал их и потом не прибрал за собой.

— Кошмар. Так близко от города... Если это дело рук заклинателя, он должен понести наказание.

— Будем разбираться.

Итак, браксы оказались из числа темных сущностей, а не редким видом гончих... Значит, среди наших следователей есть как минимум один колдун. Плохо.

Я не стала обсуждать это с Тилвасом, ждавшим меня у гарраров. Через пару часов после заката мы с аристократом достигли таверны Ричарда и, в ожидании Бакоа, разошлись по своим комнатам.

Как и все воры, я особенно ценила комфорт, потому что знала, что в любой момент пуховая перина может смениться жесткими нарами. Так что я предпочла потратить свободное время на себя.

Я приняла душ, старательно отскоблила с себя дорожную пыль и грязь, а потом долго нежилась в деревянной ванне. Когда я вылезла, вся комната была затянута густым молочным паром. Я ладонью протерла зеркало и посмотрела в свои уставшие серо-зеленые глаза.

Привет, Джеремиа Барк. Еще один прожитый день на твоем счету. Sub specie aeternitatis¹, не такая уж победа, но... Все равно поздравляю.

Я уже потянулась к одежде, когда вдруг за распахнутым окном начался дождь. Такой шумный и сильный —

¹ С точки зрения вечности.

настоящий весенний ливень, да еще и с грозой. Раскаты грома пришли внезапно, будто выплыли откуда-то из-за горизонта и разом обрушились на весь лес и таверну.

Я застыла перед зеркалом. Мои зрачки непроизвольно расширились. *Нет. Я не боюсь. Я не должна бояться.*

Следом за страхом — неизгоняемым и позорным — пришла ноющая боль в старых ранах, моя верная спутница во время грозы. Сжав зубы, я отвернулась от зеркала и через плечо долгим взглядом окинула свои лопатки и поясницу.

Да... Спина у меня, конечно, отстой.

Всю кожу от плеч вниз сплошняком покрывали золотые узоры татуировки: странная, оскорбительно кривая вязь, в один момент обрывающаяся, незаконченная. Уродливая, яркая, безвкусная.

Я ненавижу татуировки.

Всей душой.

В Шэрхенмисте наколками клеймят людей двух типов: убийц и госслужащих. По мне и то, и то — отнюдь не завидная судьба. Но то, что прячется под моей татуировкой — еще хуже, чем золотая краска...

Шрамы. Много выпуклых страшных шрамов в виде непонятных символов, которые не удалось свести ни одному из подпольных лекарей, — поэтому я «забила» их поверху татуировкой. Что не мешает шрамам болеть во время грозы, горячить и саднить, как свежая рана.

Закорючки, черточки и точки. Неизвестный код, неизвестный язык. Тот самый шифр, который я так хочу — и боюсь — разгадать. И, возможно, с допуском в библиотеку Сената разгадаю.

Я открыла кран с ледяной водой и, сцепив зубы, начала прижимать мокрые холодные ладони к коже, стараясь остудить ее. Вскоре стало полегче.

В комнату постучались. Я завернулась в полотенце и пошла открывать.

— Твоя агрессивная любовь прискакала: ждет внизу и бьет копытом, — отрапортовал Талвани, оказавшийся на пороге.

Аристократ тоже прихорошился и приоделся. Его мокрые после душа каштановые волосы слегка завивались. Он окинул меня в полотенце заинтригованным взглядом, а потом — то ли вспомнив о приличиях, то ли заскучав, — перевел глаза куда-то мне за спину. На мгновение на его лице скользнуло удивление, но он тотчас тщательно его потушил.

— Сейчас спущусь, — кивнула я и захлопнула дверь.

Обернувшись, я поняла, что Талвани смотрел на зеркало в дальнем конце комнаты. И в зеркале этом минуту назад отражалась моя татуированная спина.

В ТАВЕРНЕ У РИЧАРДА

Animi nostri sunt inimici nostri.

«Наши чувства являются нашими врагами».

70
Вскоре мы втроем сидели в самом темном углу таверны. На самом деле таверна Ричарда представляла собой целый комплекс из нескольких домиков-гостиниц. На первом этаже каждого был расположен зал для еды и увеселений, выше находились спальни. Здесь отдыхала публика всех сортов, потому что это было самое крупное заведение на Рассветном тракте — таверна виднелась издали, а для уставших путников зачастую именно это являлось главным показателем успеха.

Сам Ричард — кошкоглавый толстяк в расшитом алом халате, приехавший из пустынь Иджикаяна — славился тем, что каждый вечер величаво обходил свои владения, дом за домом, что-то гортанно урча и подергивая ушами с кисточками. Сегодня мы уже успели

лицезреть это зрелище: томный кот, плавно рассекающий толпу постояльцев... И потом так же гордо исчезающий во тьме.

Мне кажется, Ричард в такие моменты чувствует себя примой столичной оперы. Возможно, ради таких моментов он и живет.

Сейчас зал был забит посетителями, официанты так и сновали туда-сюда, как серебристые рыбки. Остро пахло жареным луком и копчеными осьминогами, симпатичная барменша щедро наливала всем сливовое вино из прозрачного кувшина. Сквозь стекло было видно, как буро-лиловые плоды болтаются там, сталкиваясь и медленно расплываясь по сторонам.

Мокки Бакоа, нимало не смущаясь людей вокруг, протирал и полировал многочисленные отмычки, разложенные на столе длинным рядом. Раненую руку вора уже подлатал знахарь-пилигрим, и теперь Бакоа ловко крутил острые щупы между пальцами.

Я проводила ревизию магических свитков, купленных по дороге в таверну, а Талвани объяснял, что *он* хотел украсть в замке Льовезов. И зачем.

— Как я уже рассказал Джереми, я артефактор. И сейчас я работаю над одним проектом, для которого мне не хватает пары вещей. Ради этих вещей я и приехал в Пик Грёз. Одна из них — древняя статуэтка пэйярту, которая хранится в родовом склепе замка Льовезов.

— Пэйярту? — проворчал Мокки Бакоа. — Это миленькая беленькая лисичка?

— Этот безжалостный белый лис, — со смешком поправил Талвани, потом кивнул мне: — Мы с тобой сегодня видели его изображение на воротах.

— Да, я помню.

— Прекрасно. Собственно, я хочу украсть статуэтку из замка.

— Почему не купить? — вскинула бровь я.

— Так у меня же есть вы, замечательные воры. К чему тогда лишние траты? — Талвани широко улыб-

нулся и, откинувшись на спинку стула, самодовольно отхлебнул вина.

Мокки аж притормозил в полировке: так и замер с тряпочкой в руке, и лишь опасно прищурил глаза, глядя на Тилваса исподлобья. Я тоже была слегка удивлена такой бессовестностью благородного господина.

— Сгорел сарай, гори и хата? — Я флегматично глотнула вина.

— Да, гулять так гулять, — так же поговоркой беспечно ответил аристократ.

— Гхм. С каждой твоей репликой я всё больше понимаю тех, кто заказал твое убийство. Может, мы им зря мешаем?

— Джерри, учитывая, сколько денег пообещал мне аристократишка, мы можем просто сами потом заказать его тем же Алым, — подумав, хрипло хмыкнул Бакоа. — А пока... Признаться, мне нравится такой настрой, — и он, отложив отмычку, одобрительно поднял чашу с вином. — Единственное, меня напрягают подобные совпадения. Как бы нам убедиться в том, что ты не врешь, Тилвас? И что все это — не одна большая подстава?

— Я *клянусь*, что это не подстава.

— Очень смешно. С каких пор клятва незнакомца чего-то стоит? Только не вздумай оправдываться голубой кровью. Почему у тебя, кстати, не синие волосы, если ты знатный шэрхен?

— Моя мать из Шолоха. Ее гены оказались сильнее.

72 — А. А ведь ты из угасшего рода. Значит ли это, что вся твоя семья мертва?

— Мокки! — воскликнула я, пораженная его бестактностью.

Но Тилвас ответил.

— Насколько я знаю, — он пожал плечами, — мои отец и матушка здравствуют где-то в Лесном королевстве. А вот все, кто жил здесь, в Шэрхенмисте — да, мертвы. Ты хочешь знать подробности, вор?